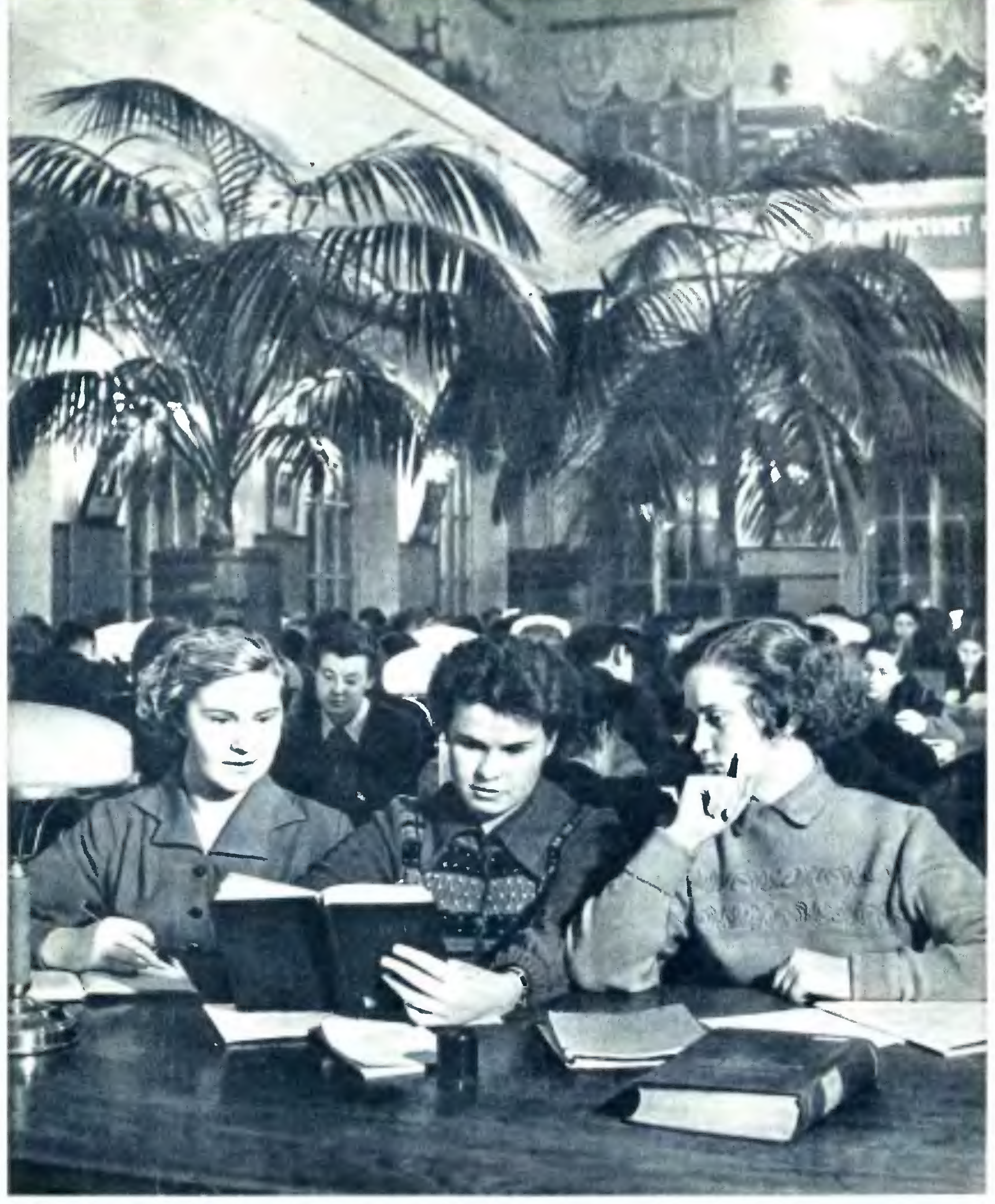

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Кировская областная библиотека имени А. И. Герцена основана в 1837 году при непосредственном участии сосланного в то время в Вятку Герцена. Ныне библиотека располагает солидным книжным фондом — более миллиона томов. На снимке: читальный зал библиотеки на четыреста мест; на переднем плане — студентки Ирина Бадьина, Эльза Прохорова и Людмила Иванова.

Фото И. Тюфякова.

На первой странице обложки: Новогрозненский нефтеперерабатывающий завод (см. в номере «Рабочая молодость»)

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Москва. Кремлевские соборы.

Фото Е. Умнова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 13 (1554)
24 МАРТА 1957
35-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«Поддержать инициативу рабочих, инженеров и техников промышленности и транспорта, колхозников и работников МТС и совхозов по организации и широкому развертыванию всенародного социалистического соревнования в честь 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции».

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции».

Один из старейших московских заводов, «Красный пролетарий», отпраздновал первый век своего существования.

В юбилейные дни коллектив завода принял социалистические обязательства в ознаменование 40-й годовщины Великого Октября. Краснопролетарцы обязались досрочно выполнить задание десяти месяцев и дать к 7 ноября сверх плана двести станков 1 К62.

Триста девяносто пять работников завода награждены орденами и медалями. За выдающиеся производственные достижения высокое звание Героя Социалистического Труда присвоено слесарям В. В. Ермилову и К. Д. Сарафанову.

К. Д. Сарафанов незадолго до юбилея перешел на пенсию. Но на заводе остался его сын слесарь Б. К. Сарафанов, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. На снимке (слева направо): В. В. Ермилов, И. Я. Иванов, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, и Б. К. Сарафанов.

Фото Дм. Бальтерманца.

20 марта в Москву прибыла Правительственно-партийная делегация Венгерской Народной Республики во главе с Председателем Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства и Председателем ЦК Венгерской Социалистической Рабочей Партии товарищем Яношем Кадаром. В делегацию входят Председатель Президиума Венгерской Народной Республики товарищ Иштван Доби и другие видные государственные деятели Венгрии.

На Внуковском аэродроме дорогие гости были тепло встречены руководителями КПСС и Советского Правительства.

На снимке: встреча Правительственной делегации Венгерской Народной Республики на аэродроме.

Фото Дм. Бальтерманца.

18 марта в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручил орден Ленина народной артистке СССР А. А. Яблочкиной, награжденной в связи с 90-летием со дня рождения и 70-летием творческой деятельности.

Товарищ Ворошилов сердечно поздравил замечательную советскую артистку и пожелал ей долгие годы плодотворного труда.

Фото Е. Умнова.

От станка—в вуз

В цехах вывешены объявления: «Уральский государственный университет имени А. М. Горького организует курсы для оказания помощи рабочей молодежи предприятий г. Свердловска в подготовке к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения».

И вот вечерами многочисленные помещения университета заполняются не совсем обычной аудиторией. Свыше пятисот юношей и девушек—рабочих различных предприятий города, имеющих законченное среднее образование, — после длительного перерыва вновь сели за парты.

Лидии Сухановой еще нет и двадцати лет, но у нее уже шестилетний рабочий стаж. Детство ее не баловало. Обстоятельства сложились так, что, едва закончив семь классов, она пошла работать на завод учеником слесаря. Теперь она квалифицированный слесарь пятого разряда. В прошлом году Лида без отрыва от производства закончила десятилетку и собирается поступить на физико-математический факультет.

В университете хотят учиться и Галина Александрова — мастер свердловской фабрики «Уралобувь», получившая три года назад среднее техническое образование, и демобилизованный офицер Леонид Мотовилов, и работающая уже четыре года разбраковщицей на заводе «Сталькан» Светлана Зюмилова...

В специальных группах готовятся к вступительным экзаменам будущие студенты — филологи, историки, журналисты, химики, биологи.

По примеру Уральского государственного университета курсы по подготовке рабочей молодежи к экзаменам в вуз созданы и при других высших учебных заведениях Свердловска, а также на крупнейших предприятиях города. Их посещает более двух тысяч молодых рабочих. Только на дневное отделение Уральского политехнического института имени С. М. Кирова готовится поступить около тысячи молодых производственников.

Все это передовая рабочая молодежь. Многие работают по пять — шесть лет и недавно завершили среднее образование в вечерних школах. Другие пришли на завод два — три года назад после десятилетки, получили квалификацию, приобрели жизненный опыт, а теперь уверенно определили свою будущую специальность.

А. ГРИГОРЬЕВ

На снимке: у доски такелажник Е. Малков и копировщица И. Слободчикова.

Фото И. Тюфякова.

Гости «Огонька»

Советский Союз по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии посетил японский журналист и общественный деятель Масахару Хатанака. 18 марта его принял Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

На снимке: Масахару Хатанака в редакции «Огонька».

Электропоезд сформирован на заводе

Рижскими вагоностроителями выпущен первый электропоезд «ЭР-1».

До сих пор завод изготовлял электросекции, состоящие из трех вагонов. «ЭР-1» представляет собою полностью сформированный поезд в составе десяти вагонов: пяти моторных и пяти прицепных, в том числе двух головных. Головные вагоны поезда отличаются обтекаемой формой лобовой части.

Внутри вагона — полумягкие диваны, отделанные искусственной кожей, по потолку проходят линии центрального вентиляционного канала и два ряда светильников.

Скорость поезда увеличится с 85 до 130 километров в час, усилена тормозная система.

Зимой вагоны отапливаются согретым в калориферах воздухом, а летом в салоны будет нагнетаться свежий, очищенный воздух. Входные двери нового электропоезда раздвижные (по типу вагонов метро), открывает и закрывает их машинист из своей кабины. Радио будет оповещать пассажиров о маршруте и ближайших остановках.

Идет работа по сборке второго электропоезда, строительство которого намечено закончить в ближайшее время. Всего в этом году намечено построить еще четыре поезда нового типа «ЭР-1».

Х. ДАВЫДОВ

14 марта в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Афганистана Абдул Хакима, вручившего свои верительные грамоты.

16 марта в Кремле Чрезвычайный и Полномочный Посол Японии Кадоваки Суэмицу вручил свои верительные грамоты Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову.

Фото М. Савина

ИНДИЯ У ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УРН

О. ОРЕСТОВ

Фото индийского фотокорреспондента П. Н. ШАРМЫ.

В Индии закончились всеобщие выборы в парламент и законодательные собрания штатов. Индийский народ второй раз в своей истории избрал демократическим путем депутатов законодательных органов; первые выборы состоялись в 1951—1952 годах. Число избирателей сейчас превысило 193 миллиона человек, хотя далеко не все воспользовались правом голосования. В Индии считается нормальным, если к урнам приходит половина избирателей; если же голосует 60—70 процентов избирателей,— это уже большой успех. И понятно, ибо всего лишь десять лет назад Индия вступила на путь демократического развития.

Выборы в Индии проходили несколько недель, в разных штатах в разное время. По мере голосования в отдельных районах объявлялись результаты, и общественность с интересом следила за ходом острой борьбы политических партий. Как и на прошлых выборах, наибольшего успеха добилась правящая партия — Индийский национальный конгресс. Однако ей пришлось отвоевывать депутатские мандаты в упорной борьбе против кандидатов оппозиции.

Эти фотографии рассказывают о голосовании в столице Индии — Дели.

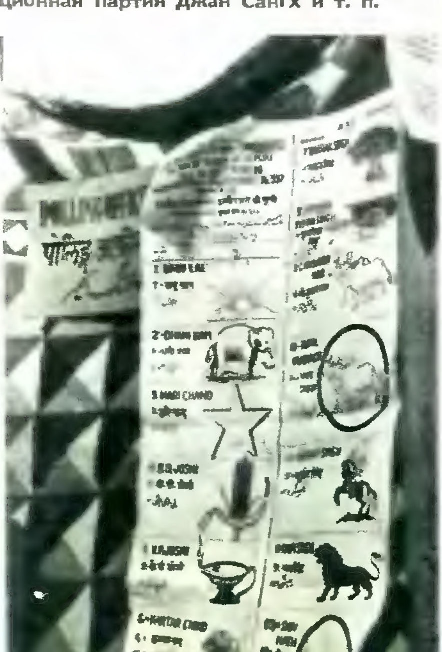
Пора идти голосовать. Мужчины и женщины становятся в отдельные очереди. Надо соблюдать религиозные обычаи и традиции, которые гласят, что женщина не должна в присутствии посторонних называть свое имя.

В этой очереди можно видеть женщин различных религий: впереди — одетые в «бурка» мусульманки, позади — индуски; они не закрывают лица, но конец их одеяния — сари — у замужних женщин должен обязательно быть наброшен на голову.

Не обошлось и без комических случаев. На одном из делийских участков избиратель заявил резкий протест против того, что в списках перед его именем стояло слово «госпожа». Однако председатель участковой комиссии уже не мог внести изменения в списки, и обиженному избирателю пришлось проголосовать как... женщине.

Десятки миллионов людей в Индии не умеют читать и писать. Как же облегчить им участие в выборах? В Индии на избирательных бюллетенях не пишутся имена кандидатов. Когда избиратель заходит в кабину, перед ним стоят в ряд урны, на которых изображены символы различных партий.

Вот эти символы, вывешенные на улице около избирательного участка. Упряжка буйволов — это Индийский национальный конгресс, колосья и серп — компартия, горящий светильник — правая реакционная партия Джан Сангх и т. п.

В день голосования также разрешается вести агитационную работу, только агитаторы не должны подходить к избирательному участку ближе чем на сто метров.

В ста метрах от участка и расположились со столом агитаторы коммунистической партии. Они раздают плакаты и лозунги партии и объясняют, в урну с каким символом следует опустить бюллетень.

Избирательница подошла к первому столу. Здесь на ее указательном пальце делается пометка «несмываемыми» чернилами. Они не совсем несмываемые, но в течение пяти — шести дней пометку действительно нельзя ни отмыть, ни отскрести самой жесткой щеткой. Так предотвращают в Индии попытки вторичного голосования.

У следующего стола избирательнице предстоит проверить свое имя в списках и получить удостоверение, которое перед самой кабиной для голосования будет обменено на бюллетень.

Алексей СУРКОВ

Из книги „Восток и Запад"

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Мыс Коморин[1]

Лунный диск откатился на край небосклона.
Старый сторож-дравид погасил фонари.
Вдалеке, у невидимой кромки Цейлона,
Проступила несмело полоска зари.

Ночь томила меня ожиданьем рассвета
И волнующей близостью сказочных стран.
Из загадочной области вечного лета —
От экватора — волны катил океан.

Эта ширь горизонта и волн бесконечность,
Этот в зыбкой воде отраженный рассвет
От земли оторвали и подняли в вечность,
В мир скользящих в пространстве комет
и планет.

И почудился мне прародитель, который
Где-то в каменном веке, в звериной глуши,
Смутный образ Предвечного сделал опорой
Для своей затерявшейся в джунглях души.

Надо было в столетиях выстрадать много,
Брать высоты и в бездну срываться не раз,
Чтобы разум, отринув Предвечного бога,
Мог беседовать с вечностью с глазу на глаз.

Хайдерабад-хауз

На зелень парков в городе ночном
Накрап росы прохлада расплескала.
Цветет жасмин, и слышен за окном
Ребячий плач голодного шакала.
Друзья ушли на отдых в поздний час,
И в доме стало тихо, стало пусто.
Лишь, от змеи оберегая нас,
Скользят вдоль стен пушистые мангусты.
Нам завтра снова отправляться в путь,
Туда, где степь лежит у гор подножьем.
Постель раскрыта, время отдохнуть
Перед большим и трудным подорожьем.
Но сон от изголовья убежал.
Занозой в сердце саднеет досада.
Когда-то этот дом принадлежал
Владетельной семье Хайдерабада.
Просторно жил сиятельный низам.
Но повсеместно в Индии известно,
Что в вотчине низамовой низам
Спокон веков живется очень тесно,
Что и доселе от монарших благ
Кровоточа́т обид народных раны,
Что вспыхивал, как пламя, красный флаг
В голодный год в деревнях Теленганы.

Пусть были коротки часы побед,
Но в Теленгане память не свежа ли
О том, как за помещиками вслед
Под сень штыков ростовщики бежали!
Из тьмы расселин вечно бить ключам,
И перестуки сердца неустанны.
Бессонный призрак бродит по ночам
По тихим деревушкам Теленганы.
Его одежды ветхие в пыли,
Но воля несгибаема, упряма.

. . . .

Вот на какие мысли навели
Меня хоромы старого низама.

Старик

За днем уходящим в погоне
Виденьем парус возник.
Над самой водой, на балконе,
Сидит крючконосый старик.

В дневной суматохе Бомбея
Настойчиво смотрит седой
Туда, где, вдали голубея,
Сливается небо с водой.

Не горы ли древнего Фарса
И знойные смерчи песка
Тревожат угрюмого парса[2] —
Известного ростовщика!

А может быть, там, за балконом,
Вдали, в городской кутерьме,
Он видит свой банк на зеленом
Крутом Малабарском холме.

Счет прибылей новых, быть может,
Как марш, отбивает рука.
А может быть, совесть тревожит
Коснеющий ум старика!

Пусть громко ты жил или глухо,
Знал роскошь, скитался босой,
Придет работяга-старуха
И нить перережет косой.

Остынет несъеденный ужин,
Вся челядь рассеется вмиг,
И мертвому будет не нужен
Эльбо́рус[3] из банковских книг.

Останутся пышные зданья,
Бесшумный ковровый уют,
И коршуны в Башне Молчанья
Останки твои расклюют.

Умрешь ты во вторник, а в среду
Начнут твои сейфы терзать.
И внуки-наследники деду
Забудут «спасибо» сказать.

Рычаньем сирены натужным
Корабль распугал голубей.
Огней ожерельем жемчужным
Украсился на ночь Бомбей.

На желтом и розовом фоне
За молами вечер поник.
Как черная тень, на балконе
Исчез, стушевался старик.

Дружба

Сюрпризы начались с утра.
Ну, посуди сама, —
Под сорок градусов жара,
А говорят, зима.

Еще сюрприз: в полдневный час
По разным стрит и роод
Мы мчимся в гости, в порт Мадрас,
На... польский пароход.

Из мира снежных вьюг и льда,
Опрятен, бел, высок,
Он рельсы притащил сюда
И сахарный песок.

Нас встретили, как земляков
Встречают земляки.
Рукопожатья моряков
По-дружески крепки.

Приводят нас в уют кают,
За хлебосольный стол.
За мир и братство чарку пьют,
Поют про гданьский мол.

Поют про Вислу, про подруг,
Про глаз их синеву.
И песня улетает вдруг
На Волгу, на Неву.

С родимых волжских берегов
Плеск Вислы слышу я.
Чуть слышно вторят нам без слов
Индийские друзья.

И подпевает нам Мадрас
Сиреной и гудком.
И каждый каждому из нас
Как бы давно знаком.

Как будто ты ходил во мгле
И друга вдруг узнал.
...Вот что такое на земле
Интернационал.

[1] Мыс Коморин — самая южная точка Индустанского полуострова.

[2] Парсы — потомки огнепоклонников выходцев из Персии. По законам своей религии, они выносят трупы умерших на расклев хищным птицам.

[3] Эльбо́рус — гора в Иране.

В завтрашней Индии

Еще вчера в пустыне Раджастана
Блуждали мы среди развалин древних,
Дивились совершенству Тадж-Махала,
Причудам императора Акбара,
Что выстроил и умертвил столицу,
И навещали ветхих махараджи
В огромных экзотических дворцах.

Еще вчера мы видели в Джейпуре,
Как заклинатель заставляет кобру
Покачиваться в такт хрипенью дудки,
Показывает бой змеи с мангустой,
А рядом с ним безрукий, жалкий нищий
Выпрашивает ана [4] у сахиба,
И рикша тщетно ищет седока.

Еще вчера могло нам показаться,
Что все, о чем мы много раз читали,
Царит здесь безраздельно, безвозбранно:
Блеск роскоши безнравственной, жестокой,
Не знающей к страданью состраданья,
И тут же тьма, отсталость, суеверья,
Босая и нагая нищета.

Еще вчера... Потом и днем и ночью
Нас мчал в Пенджаб почтовый душный поезд
Полями, где красуются павлины,
Лесами, где мелькают обезьяны,
На берег укрощенного Сатледжа,
До станции, построенной недавно
И названной в честь стройки —
Нангал-Дам.

На этом чистом, маленьком вокзале
Встречали нас прорабы, инженеры.
И, не мелькай в толпе тюрбаны сикхов
Да лица всех оттенков темной бронзы,
Хозяев наших мы принять могли бы
За земляков с известных гидростроек
На Волге, на Днепре, на Ангаре.

Сквозь тучи пыли шумной кавалькадой
Несемся мы по берегу Сатледжа,
Минуя справа гаражи и склады,
Минуя слева новую плотину,
Вонзаемся в широкое ущелье,
И завтрашняя Индия пред нами
В рабочем громе стройки предстает.

Внизу, в гигантской чаше котлована,
Снуют левиафаны-самосвалы,
Ковш экскаватора выносит глыбы камня,
Бетонщикам площадку расчищая.
На серых склонах гор грохочут взрывы,
И, согнанная с русла человеком,
Ревет в туннеле гневная река.

Как зачарованные, мы стоим на бровке
Крутой дороги, вырубленной в скалах,
Прислушиваясь к рокоту моторов,
К свисткам тревоги, к перекатам взрывов,
Любуясь необъятной панорамой
Далекой горной цепи Гималаев,
Слепящим блеском вечных ледников.

Как полководец с командирской вышки,
Весь фронт работ окидывая взглядом,
За грань работы мыслью забегая,
В историю проекта Нангал-Бхакра [5],
В размах дерзаний и в людские судьбы,
Влюбленный в эту землю, в эту стройку,
Нас вводит Кунхар, главный инженер.

Мы слушаем его. И перед нами
Меж серых скал хребта Наина-Деви,
Как в сказке, возвышается плотина.
Перед плотиной возникает море.
Оно вращает лопасти турбины,
Несет в поля по ниточкам-каналам
Энергию живительной воды.

Вода журчит. И, желтые от зноя,
Впивая влагу, оживают травы.
В пустынях Раджастана и Пенджаба
Влаголюбивый созревает хлопок,
Цветет горчица, рдеет красный перец,
И к проводам электропередачи
Метелки тянет сахарный тростник.

Все это скоро сбудется. Недаром
В Пенджаб спешили люди отовсюду —
С плато Декана, из долин Кашмира,
Из Амритсара и из Удайпура —
Индусы, сикхи, джайны, мусульмане.
Их всех сюда, в предгорья Гималаев,
Мать Индия на стройку позвала.

Вот завтрашняя Индия! Смотрите
На лица смуглых сикхов-трактористов,
На лица экскаваторщиков ловких.
Как быстро привыкают эти люди
К бетону, к перфоратору, к машине!
Как смело все они идут навстречу
Любым загадкам нового труда!

Не так ли было и у нас в тридцатом!
Припомнив котлованы Днепростроя,
Эпоху Комсомольска и Магнитки,
Мы молодость свою припоминаем,
Волнуемся и пожимаем руки
Неутомимым труженикам-кули,
Бульдозеристам и подрывникам.

Пусть им идти извилистой дорогой
К свободной, сытой и разумной жизни.
Они в пути. Лиха беда начало!
В труде, на стройке, закалится воля,
В труде, на стройке, расцветут таланты,
Откроются иные горизонты,
И по-иному песни зазвучат.

Вот завтрашняя Индия.
Смотрите!

Строится город

На нашу таджикскую землю похожий,
С рычаньем овчарок и щелканьем жаб,
Раскинулся вдоль гималайских подножий
Край рек и пустынь — легендарный Пенджаб.

Пыля по дорогам копытами конниц,
Купая в кипенье стремнин стремена,
До этих долин молодой македонец
Дошел в приснопамятные времена.

Лавинами полчищ сметая престолы
И пламени все предавая вокруг,
Кушаны и гунны, афганцы, монголы
По этим долинам стекали на юг.

И здесь, в Амритсаре, британец лукавый
Предательски пролил индийскую кровь.
Но час наступил — и свободной державой
Воскресла великая Индия вновь.

Всем будущим радостям жизни навстречу
Индусы и сикхи сегодня идут.
Куда ни взгляни — по всему Пятиречью
Готов к чудесам человеческий труд.

Где в белых тюрбанах стоят Гималаи,
В безлесной степи, у подошвы горы,
В горячую землю тяжелые сваи
И ночью и днем забивают копры.

Пусть капельки пота стекают за ворот,
Пусть зной докрасна раскаляет песок.
Кирпич к кирпичу — поднимается город
Как дерзкие мысли пенджабца, высок.

Растет над лесами кирпичная кладка.
Фонтанят веселые струйки воды.
Над черным асфальтом, укатанным гладко,
Из рыжей земли прорастают сады.

Рыча, экскаватор вгрызается в землю,
Грохочущим взрывом скала сметена...

Кто выдумал сказку, что Азия дремлет!
Подать сюда этого болтуна!

Ответ

Этот случай был в пятидесятом.
Распалясь в один из летних дней,
Вы меня назвали азиатом,
Уколоть желая побольней.

Промелькнули годы, но поныне
Эта сцена в памяти жива.
В злой колонизаторской гордыне
Вашу сущность выдали слова.

Вы стремились к ясности! Ну что же,
Выслушайте мой ответ сейчас.
Рикша из Калькутты мне дороже
Хастингсов и клайвов [6] во сто раз.

Время их кровавый след не стерло.
Не забыть Малайе свист кнута.
Милостями вашими по горло
Сыт Китай и Индия сыта.

Как вас ненавидят, мы узнали
По глазам крестьян и рыбаков,
Если нас случайно принимали
За британцев — ваших земляков.

Но для нас, людей иного круга,
Не был замкнут азиатский круг,
Потому что всюду сердце друга
Зорким сердцем распознает друг.

Взрослые, мы в Азии как дети,
Потому что каждый миг и час
Мудростью пяти тысячелетий
Здесь глядит история на нас.

Сын другого племени и рода,
Здесь я всем, по Ленину, родня.
И потомки древнего народа
Одарили дружбою меня.

И считаю я великой честью,
Что опознан их семьей как брат,
Что возвышен я над вашей спесью
Горделивым словом — азиат.

1955—1956.

---

[4] Ана — мелкая индийская монета.

[5] Нангал-Бхакра — строительство крупнейшей в Индии гидроэлектростанции и ирригационной плотины.

[6] Хастингс и Клайв — губернаторы английской Ост-индской компании, олицетворяющие зверский колониальный режим.

ОТ ПЕКИНА ДО КАНТОНА

Орест ВЕРЕЙСКИЙ

Из альбома художника

Провести всего один месяц в такой огромной стране, как Китай, значило бы не увидеть ничего или увидеть ничтожно мало, если бы не современная техника передвижения, стирающая расстояния. Самолет за несколько часов перебросил нас с севера на юг Китая, и, переехав в другие, совершенно не похожие на те, что мы только что покинули, места, мы совершили путешествие и в другое время года.

В Пекине мы видели снег на пологих крышах, а в Кантоне цвели цветы, ветви деревьев были отягощены зреющими плодами, и нам казалось, что с облегчением сброшенные шубы понадобятся не раньше, чем через год.

В Китае я понял, как мы бываем порой самонадеянны, полагая, что в какой-то мере знаем страну по литературе, кинофильмам, изображениям. Каждый день, каждый час в путешествии по Китаю мы открывали что-то новое, неожиданное для себя в этой удивительно интересной стране и понимали, как слабы, как далеки от действительности были наши представления о ней.

Прекрасная, щедрая природа Китая, конечно, поразила меня, но иногда казалось, что вот этот пейзаж я уже видел когда-то, и вспоминалось одно из полотен традиционной китайской живописи. Существует мнение, что китайское искусство, которое мы, кстати сказать, тоже знаем еще недостаточно, несет в себе черты стилизации. Только побывав в Китае, видишь, как ошибочно это представление. Китайское искусство правдиво и реалистично, сама природа продиктовала художникам Китая их изобразительные приемы. Искусство правдиво, а вот природа действительно порой кажется неправдоподобной в своей изощренной красоте.

Месяц — слишком короткий срок, чтобы узнать такую великую страну, как Китай, но и одного дня достаточно, чтобы полюбить ее. У меня было много встреч в Китае — с коллегами-художниками, с молодежью, с людьми разных профессий, занятых на разных участках социалистической стройки. Я надеюсь, что если кому-нибудь из моих новых друзей и знакомых попадутся на глаза эти рисунки, они увидят то главное, что я старался выразить в меру моих сил,— любовь и уважение к людям замечательной страны, строящей новую жизнь.

Бригадир овощеводов Цзян Шу-цзинь из кооператива «Овощи круглый год» под Пекином. Шу-цзинь угощала нас молодыми, колючими огурцами и красными помидорами, выращенными в теплицах кооператива в январе

В Китае нас всюду радовало удивительно трогательное, бережное и заботливое отношение к детям. В таких фургончиках утром перевозят детей в ясли и детские сады, а в конце дня — развозят по домам.

Слияние рек Янцзы и Цзялинцзян в городе Чунцине. На водных артериях Китая царит постоянное оживление.

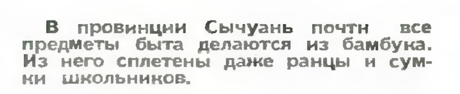
Рисовые поля в Сычуани. Этот рисунок сделан в январе. Сычуаньская зима отличается от лета только тем, что жара в июле еще сильнее.

Искусственно орошаемые рисовые поля, расположенные террасами на взгорьях,— это необыкновенное зрелище. Особенно хороши они с самолета. Разноцветные, но в одной серо-буро-зеленой гамме лоскуты земли смотрятся с высоты как причудливый, поразительно красивый орнамент.

Дети Чунцина

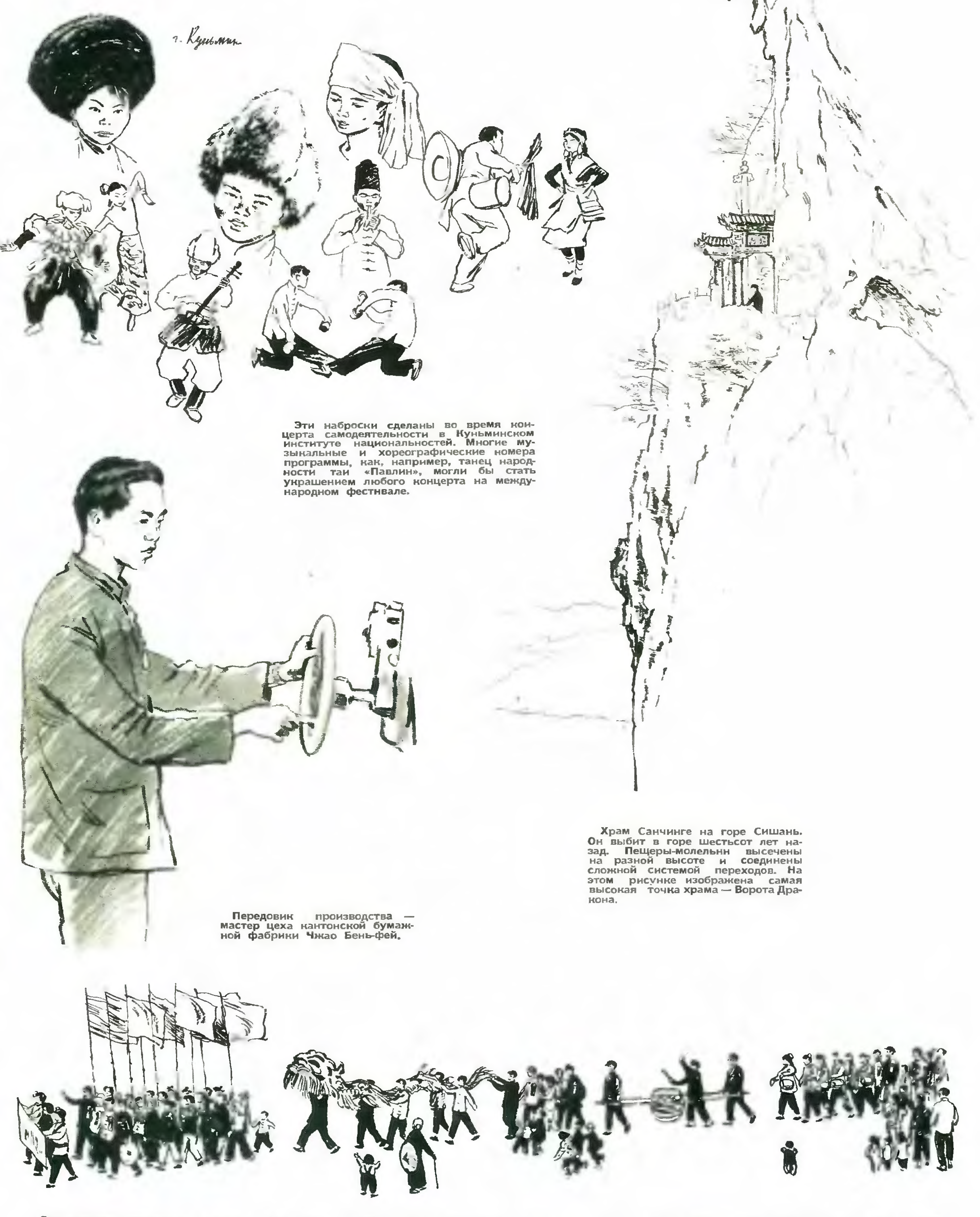

В провинции Сычуань почти все предметы быта делаются из бамбука. Из него сплетены даже ранцы и сумки школьников.

Рядом со старыми воротами «Красного петуха» возникла фигура регулировщика и сложное сооружение, тоже в духе китайской архитектуры — современный светофор. На улицах китайских городов с каждым годом появляется все больше автомобилей. Водители и пешеходы здесь необыкновенно дисциплинированны и безропотно подчиняются мановению руки регулировщика.

Эти наброски сделаны во время концерта самодеятельности в Куньминском институте национальностей. Многие музыкальные и хореографические номера программы, как, например, танец народности таи «Павлин», могли бы стать украшением любого концерта на международном фестивале.

Храм Санчинге на горе Сишань. Он выбит в горе шестьсот лет назад. Пещеры-молельни высечены на разной высоте и соединены сложной системой переходов. На этом рисунке изображена самая высокая точка храма — Ворота Дракона.

Передовик производства — мастер цеха кантонской бумажной фабрики Чжао Бень-фей.

Эту веселую процессию я увидел в Кантоне. До освобождения набор в солдаты был в Китае днем печали. Новобранцев оплакивали родные и близкие. Теперь призыв на действительную службу в армию отмечается всюду как праздник. Кроме чувства долга и сознания, что армия Китая стоит на защите интересов народа и его завоеваний, призыв в армию для юноши означает учение, совершенствование знаний, приобретение профессии. Это была веселая и шумная процессия. Били барабаны, трещали хлопушки, в воздух взлетали цветные ракеты.

О. Г. Верейский. МОРОЗНОЕ УТРО. ПЕКИН.

О. Г. Верейский. СВИДАНИЕ ПОД ДОЖДЕМ

МОЛОДОЙ БАМБУК

НА ЮГЕ КИТАЯ.

ЭМИГРАНТЫ

Тихон СЕМУШКИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Журнал «Огонек» публикует первые главы нового романа Тихона Семушкина «Пробуждение океана». В основу романа положено освоение советскими людьми великой северной магистрали. Действие развертывается сразу же после изгнания интервентов с Дальнего Востока, когда обычный транспортный советский пароход после возвращения из эмиграции впервые пошел в Арктику. Герои романа — моряки транспортного и ледокольного флота, а также различные советские работники береговой службы, портов и станций, расположенных по этой великой трассе.

Вдоль витрин торговой улицы города Хакодате по мокрому тротуару шел моряк лет тридцати. Он был одет в сильно поношенный морской китель и старую форменную фуражку с большим потрескавшимся козырьком. Кант на брюках был смят. Моряк с виду производил жалкое впечатление. И все же в походке его и даже в том, как он поеживался, угадывалась выправка морского офицера.

Утро стояло туманное. Ласковое японское солнце никак не могло пробиться сквозь тяжелые и низкие облака. Влажный морской туман пронизывал, создавая неприятное настроение. Улицы были безлюдны, и только изредка по булыжной мостовой пробежит рикша, сверкая свинцовыми пятками жилистых ног, или прошипят резиновые шины закрытой коляски.

Моряк, по-видимому, спешил и шел очень быстро. Заметив в дверях лавчонки уныло стоявшего тучного японца, он резко свернул к нему.

— Скажите, пожалуйста, как мне пройти в Юнокаву? — обратился он к японцу на чистейшем английском языке.

— Сэр, вам лучше взять рикшу или, в крайнем случае, вон на той улице сесть в трамвай,— низко склонясь, ответил японец тоже по-английски.

— Благодарю вас, — сказал моряк, и надменность вдруг исчезла с его лица. С чувством некоторой неловкости он проговорил: — Но я должен идти пешком.

— Сэр, вряд ли такая погода может располагать к прогулкам.— И японец учтиво оскалил зубы.

— У меня нет лишних сэн [1], — словно гордясь этим, сказал моряк и зашагал по безлюдной улице старого города.

Он шел неуверенной походкой, с каким-то тяжелым чувством на душе, в глазах его была усталость и печаль. Вот уже несколько лет он болтается по заграничным портам, а впереди — судьба, полная неопределенности и испытаний. Главное же, никаких надежд и перспектив. А ведь жизнь ему когда-то улыбалась. Ему пророчили блестящую карьеру морского офицера, и он достиг ее. Теперь же все это рассеялось, как дым в штормовую погоду. И кадетский корпус, и веселая жизнь привилегированных гардемаринов, и служба на военном корабле — все, все позади.

Теперь Юрий Александрович Азаровский был просто старшим помощником капитана на судне со странным названием «Монгугай», которое ходило под китайским флагом и сейчас на якоре стояло на внешнем рейде Хакодатского порта. Служба на этом судне была для него тяжелой и отвратительной. Преждевременные морщинки — спутники нелегкой жизни — слегка тронули тонкие черты лица Юрия Александровича.

Он шел, глубоко задумавшись, и неотвязчивая мысль не оставляла его ни на секунду. Юрий Александрович думал о Лидии и встрече с ней. Больше года он не видел ее! Проклятые чумиза и бобы! Это из-за них до сих пор не было ни одного рейса в Японию. Капитан подрядился по мизерной цене возить эти чертовы корма в колониальные страны.

Последний раз, когда «Монгугай» стоял здесь под выгрузкой три дня, Азаровский многое успел сделать для Лидии. Она работала тогда официанткой в европейском ресторане «Континенталь», который содержал богатый японский судовладелец. Черт знает что! Девушка из благородной семьи в роли официантки кабачка, обслуживающей подгулявших моряков с проходящих судов! Как это унизительно и мерзко!

Это ужасное положение Лидии привело его в бешенство, и он бросился искать для нее другую работу. Ему удалось устроить ее в книжный магазин Кинтаро Муроямa. Правда, всем было известно, что этот продувной Кинтаро окончил восточную шпионскую школу, занимался русскими делами и ни честью, ни особенным благородством души не отличался.

Вот уже более года Лидия работает у Муроямы. Последнее письмо, полученное от нее еще в Сайгоне, очень волновало Юрия Александровича. Почему Мурояма поместил Лидию в отеле, на горячих источниках Юнокавы? Почему в отеле, а не в простой, скромной семье? Неужели он приспособил ее для шпионской деятельности? Нет, это не в ее характере. Тогда что же?

Это навело Юрия Александровича на мрачные размышления. Не находя ясного ответа на свои же вопросы, он замедлил шаг и невольно стал думать о прошлом Лидии. Впервые встретил он ее в старом саду, среди благоухающих кустов сирени, веселую, жизнерадостную... Девушка из семьи целой династии морских офицеров, превосходно воспитанная, знающая языки, спортсменка, любительница верховой езды, внучка знаменитого адмирала Синявина, в которой еще дед пробудил влечение к медицинским наукам,— теперь эта девушка, бывшая студентка Высших женских курсов, волею судеб живет без родины, обреченная скитаться на чужбине. И это он, Аза-

[1] Сэн — одна сотая иены.

ровский, привез ее сюда спасая от Чека и большевиков.

Конечно, он поступил благородно, уговорив ее временно покинуть родину вместе с колчаковскими офицерами и прожить это смутное время где-нибудь за границей. Да и как он мог поступить иначе? Ведь Лидия — его невеста. Разве он, Азаровский, не воспитан на благородных традициях высшего морского офицерства, для которого честь дворянина превыше всего?

Юрий Александрович вспомнил свое бегство с Лидией из Сибири, а затем из Владивостока. Вся жизнь вдруг так ярко и так мгновенно пробежала у него перед глазами. А вот что ожидает его впереди, скрыто, как говорится, в тумане и по курсу ничего не видно.

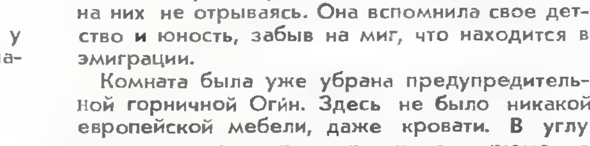
Правда, за границей Азаровскому повезло. Он быстро устроился на коммерческое судно «Монгугай», которое всем экипажем — а капитан с семьей — несколько ранее тоже покинуло Россию. Теперь «Монгугай» плавал на китайской линии, еле-еле зарабатывая на жизнь, довольствуясь случайными подрядами. Сами члены экипажа горько шутили над собой: «Монгугай» на побегушках», «Монгугай», отвези этот мусор куда-нибудь подальше». Но больше всех переживал это унизительное положение Юрий Александрович. Он был всегда серьезен, строг; у него не было даже желания шутить. Единственное утешение — то, что все это временно. Ведь большевизм и совдепы не вечны. Вся мировая пресса пишет об этом. Крупнейшие мировые авторитеты почти точно определили сроки падения Советской власти. Временно Азаровский заставит себя смириться и с должностью старшего помощника этой ветхой лайбы. Но вот положение Лидии его очень беспокоило. И невольно он опять вспомнил, как однажды на его глазах в «Континентале» Лидия Синявина, внучка адмирала Синявина, а теперь официантка в дурацком кокошнике и переднике, правда, и в них не терявшая своей барской осанки, обслуживала охмелевших моряков и болтала с ними всякую чепуху по-французски и по-английски. Каждый негодяй мог сказать ей любую пошлость и с легкостью сделать мерзкое предложение. При одном воспоминании об этом Азаровский с отвращением сжал тонкие губы и помрачнел. Но, слава богу, вся эта мерзость в прошлом. Как-то она живет теперь? Судя по письму, она бесконечно рада своей новой работе у Мурояма. Знание языков и здесь ей помогало. И все-таки Азаровского беспокоило то, что она живет в отеле. Кто оплачивает этот дорогой отель?

Все это будоражило нервы и создавало у Юрия Александровича крайне тревожное настроение.

* * *

В то время, как Юрий Александрович шел в отель, размышляя о судьбе Лидии, с ней происходили следующие события.

По случаю дня рождения Лидия Синявина не вышла на работу. Она спала дольше обыкновенного, а проснувшись, увидела великолепный букет живых цветов. Эти цветы вызвали такой прилив радости, что Лидия смотрела на них не отрываясь. Она вспомнила свое детство и юность, забыв на миг, что находится в эмиграции.

Комната была уже убрана предупредительной горничной Огин. Здесь не было никакой европейской мебели, даже кровати. В углу стояла цветная ширма, при входе — трюмо, на полу в очаге тлели угольки, а вокруг него разложены подушечки для сидения. Сама же хозяйка — Лидия Синявина, высокая девушка с ярко выраженными русскими чертами лица, с копной пышных и волнистых каштановых волос, с вдумчивыми карими глазами — казалась в этой обстановке чужой. Правда, она уже могла сидеть на подушечке, поджав ноги под себя, спать на тюфяке, разложенном на полу, и все же этот японский экзотический быт не мог вытеснить многолетней привычки жить по-русски: Лидия часто вспоминала русскую обстановку, Россию, которую отсюда, издали, она полюбила еще больше.

Босиком Лидия прошла за ширму и, сняв ночную сорочку, надела просторное кимоно, готовясь пойти в гостиничный бассейн. Ей было очень приятно, что чья-то невидимая рука поставила сегодня в вазу этот чудесный букет японских цветов. «Наверное, это Икиро», — подумала она.

В дверях Лидия столкнулась с Кинтаро Мурояма, за которым послушно шел его семнадцатилетний сын Икиро. Ранние визитеры были в отличных европейских костюмах из серой английской шерсти.

— Лиди! — остановил ее Мурояма, подняв руку.— Мы просим вас на минутку задержаться.

Не дожидаясь ее разрешения, он прошел в комнату и ловко сел на подушечку. Поблескивая стеклами очков в золотой оправе, Мурояма склонил голову, обнажив в сдержанной улыбке желтоватые, крупные, редкие зубы, и молчаливым, но повелительным жестом руки пригласил присесть хозяйку и сына Икиро.

— Лиди,— начал он, потупив взор, словно от застенчивости, — я бесконечно благодарен вам за то, что вы так успешно и так блестяще обучили русскому языку моего сына Икиро.

Мурояма пластическим движением руки показал при этом на сына, одновременно подняв глаза на Лидию.

— Что вы, что вы, Мурояма-сан! Моя роль в этом не так уж велика. Ведь Икиро хорошо владел русским языком еще и до меня. А вообще я должна вам сказать, что Икиро — юноша феноменальных способностей. Он прирожденный лингвист и полиглот. Вы знаете, Мурояма-сан, он даже увлекся языками азиатских туземцев и, по-моему. очень преуспевает в этом.

Мурояма нежнейшим жестом руки остановил Лидию Синявину и энергично сказал:

— Нет, нет!.. У него был грубый и вульгарный жаргон, а теперь Икиро отлично владеет русской речью. И это ваша заслуга, Лиди,— с заискивающей улыбкой утверждающе сказал он.

— Мурояма-сан, ну, может быть, немножечко я и помогла ему усвоить правильное произношение и некоторые обороты русской речи...

Вдруг она поймала устремленный на нее взгляд Мурояма и, спохватившись, быстро прикрыла обнажившуюся из-под кимоно коленку. Этот миг оставил чуть-чуть неприятный след в душе Лидии. Между тем Мурояма возвел очи к небу и, блеснув не очень изящным оскалом зубов, продолжал говорить:

— Вот поэтому мы с сыном Икиро решили по случаю вашего дня рождения преподнести вам этот оч-ее-ень красивый подарок. Ведь сегодня, Лиди, вам исполнилось ровно двадцать лет. Икиро, подай мне коробку и развяжи ленту.

Необыкновенно крупный для японца юноша с поразительно маленькими проворными руками быстро раскрыл коробку и поднес ее отцу.

— Лиди! Это кимоно. Оно из настоящего китайского шелка. Над ним трудились лучшие шелковичные черви Китая. Лиди, вы будете в нем очень эффектной женщиной, как русская царица. Помните, Катерина? — И Мурояма застыл в улыбке, довольный своей осведомленностью в русской истории.

— Я благодарю вас, Мурояма-сан,— сказала Лидия.— Благодарю вас и за все добро, которое вы оказывали мне до сих пор.

— Лиди! — улыбнувшись, продолжал Мурояма.— Вы собрались пойти в бассейн. В начале этого примечательного дня, дня вашего рождения, мы не будем отвлекать вас от намерения посетить бассейн. Но у нас есть единственное желание увидеть вас в новом кимоно. Лиди! Вы позволите нам это маленькое удовольствие?

— О да! Обязательно! — мягко улыбаясь, ответила она и прошла за ширму.

Она сняла старое кимоно и радостно надела это дорогое, новое. Широкое оби плотно обхватило талию, и Лидия, повернувшись перед зеркалом, сделала сбоку свободный узел. Кимоно ей очень нравилось. Такой радости она давно не испытывала. Улыбнувшись себе в зеркало, она погладила дорогую ткань, плотно облегавшую грудь и напомнившую ей нежнейшую кожицу младенца. В широких рукавах на атласной подкладке руки казались не своими. Она взмахнула ими, поправила прическу и, опять поймав в зеркале счастливую улыбку, скользнула кончиками пальцев по бедрам и вышла из-за ширмы с сияющими глазами. Приветливо улыбаясь с оттенком легкого кокетства, Лидия сделала реверанс, одновременно являвшийся и русским и японским. В этом кимоно она казалась очаровательной восточной красавицей. Кинтаро Мурояма сжал губы и, всасывая воздух, словно он через соломинку тянул мазагран, скрестив руки на груди, поглядывал снизу вверх, тихо заскулив в сладкой истоме, как старый пес, привыкший к ласке хозяина. Наконец он сказал:

— Лиди, вот так и идите в бассейн, а мы подождем вас здесь.

Лидии и самой не хотелось расставаться с великолепным кимоно, доставившим ей в этот день такую радость! Она взяла махровую простыню и вышла из комнаты.

☆ ☆ ☆

Из бассейна Лидия шла в приподнятом, праздничном настроении, почти совсем забыв о своих жизненных невзгодах с первых дней эмиграции.

Но едва она вошла в комнату, как, пораженная, остановилась в дверях. На подушечке сидел Мурояма, перед ним стоял поднос с бутылками пива и запеченными дочерна яйцами, очищенными от скорлупы. Здесь же стояла бутылка ямайского рома, ваза с фруктами и очень изящный, нежный и благоухающий букет японских роз. Лидия рассмотрела все это в один миг.

— А где же Икиро? — тревожно спросила она.

— Лиди, сейчас Икиро здесь нет. Икиро стал уже взрослым, и у него появились свои важные и срочные дела. Его вызвали, Лиди. К сожалению, Икиро должен был уйти, — разводя руками, говорил Мурояма.— Хотя здесь, как вы сами видите, все приготовлено на троих. Прошу вас садиться и выпить после жаркой ванны кружечку хорошего пива.

Скрестив ноги, Лидия присела, выпила пиво и закусила яйцом. Посматривая на букет японских роз, она непринужденно говорила и говорила без конца.

— Лиди! К сожалению, пивом не чокаются, а ведь по случаю вашего дня рождения следовало бы выразить вам пожелание. О, русские обычаи я знаю! Этот ямайский ром — оч-е-ень хоро-о-ший напиток. В мире нет лучшего рома. Если вы позволите, я предложу выпить за ваше счастье, за вашу будущность, за господина Азаровского, за японского микадо, который пусть царит до тех пор, пока стоит этот свет, — торжественно закончил он, подняв палец.

Они чокнулись и выпили. Лидия раскраснелась, в глазах блеснули огоньки. Она встряхнула рукавами кимоно, поправила волосы и незаметно пощупала уши: они горели.

— Закусите бананом. Это лучшие японские бананы. — И Мурояма подлил в кружки пива немного рому.

— Зачем, зачем это вы, Мурояма-сан?

— Лиди, несколько капель рома придает пиву необыкновенный вкус. Вы, конечно, не знаете действия опиума, когда курильщикам его все представляется в божественном виде. Пиво с ямайским ромом оказывает примерно такое же действие. Попробуйте!

Лидия немного отпила.

— Нет, я не могу. У меня кружится голова,— сказала она и вскинула руки на затылок.

— Надо открыть сёдзи. Глоток свежего воздуха — и все пройдет.— И, подойдя к раздвижным бумажным рамам, Мурояма открыл их.— Лиди, идите сюда!

Она встала и прошла к окну, где стоял Мурояма с возбужденными глазами. Она вдохнула чистого воздуха, и ей действительно стало лучше.

— Мурояма-сан!.. — Но не успела она закончить начатую фразу, как Мурояма вдруг с обезьяньей ловкостью набросился на нее, вмиг выдернул конец оби, кимоно распахнулось, и он впился в ее грудь, а цепкие руки его, как лианы, обвились вокруг тонкой талии. Казалось, не было никакой возможности вырваться из этой бульдожьей хватки.

Отчаяние, отвращение, ненависть, негодование заполнили все существо Лидии. Это придало ей столько силы, что она схватила Мурояма за уши и запрокинула его голову. Мгновенно она перенесла руки на его горло и, уже ничего не соображая, стала душить его. Мурояма захрипел, очки сползли на лоб, он изогнулся в дугу, но талии Лидии не выпускал из рук. Лидия отвела его голову уже на всю длину своих вытянутых рук и душила его с таким остервенением, что Мурояма выпучил глаза. Вдруг его руки, словно клешни ошпаренного краба, разжались, и Лидия, вырвавшись, бросилась к двери. Она истерически крикнула:

— Вон отсюда, негодяй!

Потирая шею, Мурояма с улыбкой, весьма странной, подошел к двери и молча неожиданно вновь бросился на Лидию. С размаху она ударила его по лицу и, пока он поправлял очки, совершенно разъяренная, толкнула Мурояма за дверь. В следующий миг, сорвав с себя кимоно, она бросила его как бы вдогонку Мурояма и, тихо проговорив «подлец», захлопнула дверь.

Тяжело дыша, опершись о косяк двери, она стояла с затуманенным взором. И только спустя некоторое время, отдышавшись, она бросилась за ширму, накинула старое кимоно и повалилась на постель. Ей хотелось зарыдать, но рыдать было нельзя. Она настороженно прислушивалась к каждому шороху настолько чутко, что биение сердца мешало ей сосредоточиться. Но что такое? Ей показалось, что она слышит голос Юрия. Не галлюцинация ли? Она приподнялась, превратясь в слух. Нет, это действительно Мурояма разговаривал с Юрием Александровичем. Тут же раздался стук в дверь.

— Лида, открой мне. Это я, Юрий.

Она вскочила и побежала к двери, но ноги плохо слушались. В один миг она ослабла и, расстроенная, душевно растерзанная, бросилась к Азаровскому и только теперь громко разрыдалась.

— Успокойся, милая, успокойся!

— Подлец какой!.. Всякими хитростями хотел сделать из меня содержанку... Мерзавец, он укусил мне грудь и содрал кожу на спине, — сквозь слезы говорила она.

Как истый дворянин, Азаровский думал, что он обладает способностью скрывать свои чувства и внешне не проявлять душевные переживания. Но случай с Лидией выбил его из равновесия, и он впервые заметил, что эту способность он утратил совершенно. На лице его было страдание, растерянность и беспомощность, казалось, что вот-вот он уронит слезу.

Между тем Лидия успокоилась и смотрела на Юрия Александровича бесконечно счастли-

выми глазами, на этого близкого ей человека, оказавшегося рядом с ней в такой тяжелый момент.

— Юра, дорогой мой! — сказала она.— Теперь мне оставаться здесь нельзя. Ни в коем случае! Даже если этот мерзавец сделает вид, что между нами ничего не произошло.

— После моего с ним разговора он этого не сделает. Я его напутствовал столь нелестными словами, что встречаться с нами ему абсолютно невозможно.

— Юра, тогда мы сейчас же должны оставить эту гостиницу.— И Лидия принялась укладывать все свое крохотное богатство.

Азаровский взглянул на поднос, на ямайский ром, с брезгливостью отвернулся и стал помогать Лидии.

Они вышли из номера и, перешагнув через выброшенное кимоно, пошли по коридору, сопровождаемые взглядами любопытствующей японской прислуги.

— Огин, мы уходим,— сказала Лидия своей горничной.

— Надолго, госпожа?

— Навсегда.

— Как жаль, госпожа! Я так привыкла к вам! — с чувством неподдельного сожаления сказала молоденькая японка.

* * *

Пронизывал свежий ветер с моря. Два обездоленных человека шли, сами не зная, куда им идти. Они шли молча, лишь бы идти; каждый думал о своем.

— Может быть, зайдем закусить? Хочешь, Юра? — нежно и заботливо спросила Лидия, вспомнив, что она еще ничем не угостила его.

— Я очень хочу, Лида, но у меня...

— Есть у меня, — прервала она его.

Они зашли в кафе.

— Лида, я бы выпил сакэ.

— Но, Юра, эта рисовая водка отвратительна.

— Ничего, в ней все-таки есть алкоголь, и она недорого стоит. Мне сейчас обязательно нужно выпить, чтобы немного привести в порядок свои нервы. Такой выдался день! Начался недоразумением с капитаном Невзоровым...

Лидия по случаю своих именин хотела предложить хорошего вина, но, вспомнив инцидент с Кинтаро, раздумала.

— Хорошо, я составлю тебе компанию и тоже выпью немного сакэ.

Они закусили черными вьюнами, напоминавшими маленьких змей, съели по пирожку мандзю и по рисовой лепешке.

— Лида, а не обвенчаться ли нам сегодня? — вдруг с какой-то грустной серьезностью спросил Юрий Александрович.

Лидия от неожиданности насторожилась и, улыбнувшись, ласково проговорила:

— Милый, разве так спешно это нужно? Да и где мы совершим этот обряд?

— Есть же здесь православная миссия!

— Не знаю. Я встречала здесь пригородных огородников, русских старообрядцев, вот с такими бородами. Но у них нет, кажется, и священников... Юра, а может быть, нам следует подумать о другом? Ведь ты скоро уйдешь в рейс?

Юрий Александрович посмотрел на часы и тихо сказал:

— Сегодня, в двадцать ноль-ноль... Лида, я говорил с капитаном Невзоровым... о тебе...— Юрий Александрович замялся и, покусав губы, словно выдавливая слова, продолжал: — Я говорил с ним о том, чтобы взять тебя на судно, но он решительно против.

— Почему? — удивилась Лидия.

— Считает, что ты очень молода и не являешься официально моей женой... Экипаж же становится все более распущенным... В этих условиях капитан полагает, что держать на судне молодую девушку без определенного положения нельзя... Вот почему я начал разговор о венчании.

— Мой дорогой, а если здесь и найдется священник, то он, вероятно, за венчание берет деньги?

Азаровский как бы не обратил внимания на ее слова.

— А жизнь на корабле становится с каждым днем все трудней,— говорил он.— Матросы обозлены. Это понятно. Экипаж не может даже заработать на содержание в порядке судна. Все чаще и чаще слышатся толки о возвращении в Россию. Матросы начинают выражать недовольство в категорической форме. К сожалению, и не только матросы. У нас есть совершенно одиозная фигура — это старший механик, латыш. В Шанхае он купил дурацкую пластинку с «Интернационалом». Как выходим в море, так он и заводит граммофон. Я предупредил его однажды, что мы ходим под китайским флагом и нам абсолютно ни к чему подобное развлечение. И капитану сказал, что он отвлекает людей, вносит дезорганизацию в судовой распорядок. Но Невзоров весьма откровенно сам поощряет это хулиганство. Он, видите ли, считает, что музыка никому не мешает. Нашел; чем развлекать матросню! Словом, мне пока не удалось скомпрометировать этого латыша. Да и сам Невзоров носится со своей идеей, как больной человек. Ему бы плавать во льдах Ледовитого океана. Во имя этого он может принести в жертву все. Спит и видит это ледовое плавание.

Лидия Синявина молча и внимательно слушала.

— У них желание вернуться в Россию настолько сильно, что поколебать его очень трудно.

Лидия вздохнула и с затаенным одобрением сказала:

— Похвальное желание.

— Что-о?

— Я говорю, похвальное желание... Хватит бродить по белу свету, как бездомным собакам,— уже с оттенком раздражения сказала она.

Юрий Александрович молча потянулся к бутылке сакэ.

— Я больше не могу. — Лидия отстранила рюмку.

Он дрожащей рукой налил свою рюмку и с намеком сказал:

— Да, конечно, это не ямайский ром.

— Юра!.. — вскрикнула она и уставилась на него таким холодным взглядом, что он поспешил выпить сакэ. Он выпил залпом, поцеловал у нее руку и молча попросил прощения. В глазах его было столько тоски и безысходного горя, что Лидии стало жалко Юрия Александровича.

— Ты считаешь, что мы бездомные собаки? — не глядя на нее, спросил он. Тоска и горе уступили место озлобленности, гневу. И вдруг от всегда подчеркнутой корректности, холодности, надменности и презрительности, этих черт характера, выработанных средой и бытом военного корабля, здесь, в японском кафе, не осталось и следа. Глаза его засверкали, и он резко сказал: — Ты не отдаешь себе отчета в том, что говоришь! У меня на крейсере был целый гардероб одежды, блестящей, отутюженной. Этот замызганный китель я ношу, как юродивый вериги. У меня кости ноют в нем! Я противен в нем самому себе. И все же и в таком виде я нахожу силы бродить по белу свету. Ты думаешь, это легко? Тебе, конечно, трудней, ты слабое существо. Я заметил, что ты пошатнулась. Но неужели ты допускаешь мысль о возвращении к этим чекистам и большевикам, в эту чертову совдепию? Неужели ты допускаешь возможность быть в услужении у них? У этой опьяненной и обезумевшей от власти черни?

— Допускаю,— спокойно сказала Лидия.

Азаровский вскочил и заходил между столиками. Затем он сел и уронил голову на свои руки.

— Юра, успокойся. Мы же здесь не одни

— Я привык не замечать прислуги... Значит, ты допускаешь?.. Страшно подумать, что они могут сделать с тобой... Нет, это невозможно... Пойдем отсюда! — И Юрий Александрович нервно встал.

Лидия рассчиталась, и они вышли молча на улицу. Наконец Лидия взволнованно заговорила:

— Юра, почему же невозможно? По-моему, лучше жить в большевистской тюрьме, но под русским небом, чем унижаться здесь на каждом шагу. Я уже давно пришла к этой мысли, а сегодня...

— Меня поражает, удивляет твое хладнокровие и спокойствие,— оборвал он ее.— Это неумное рассуждение я отношу только лишь за счет твоей молодости.

— Я моложе тебя всего лишь на восемь лет,— с улыбкой, явно желая превратить это в шутку, заметила она.

Но Азаровский продолжал серьезно, хотя несколько и смягчив тон:

— Лида, неужели ты думаешь, что они так и приготовят для тебя тюрьму, чтобы тратить на тебя продукты, которых и без того у них нет? Разве ты не слышала, что творилось на берегах Волги? Да им прямой смысл расстрелять тебя!

— За что? За что меня расстреливать? Ведь во всем должна быть логика.

— Гм... Логика! У них своя логика. Они называют ее революционной законностью, хотя это и есть полное и абсолютное беззаконие. Для них достаточно того, что ты являешься адмиральским отпрыском. Ты пойми, Лида: офицер, генерал, адмирал — у них теперь ругательные слова. Нет, Лида. До свержения совдепов нам и носа нельзя туда показать. А оно должно быть вот-вот... И тогда наша роль будет активной... На нас возложена великая миссия, миссия по спасению России. Надо выждать только подходящий момент.

— Ах, Юра! Как надоело мне слушать про эту великую миссию российских эмигрантов!.. А мне сейчас очень важно знать, как жить и что делать завтра,— умоляюще проговорила она.

Этот простой житейский вопрос Лидии словно обдал Юрия Александровича ледяной водой, а сердце охватило жгучее пламя огня. Он невольно потянулся к часам. Стрелки показывали семнадцать.

Не зная, как поступить в этом безнадежном состоянии, Юрий Александрович нерешительно и тихо проговорил:

— Конечно, со знанием языков тебя с удовольствием примет обратно ресторатор «Континенталя». Идти туда?

— Никогда! — сердито ответила Лидия.

— Я тоже так думаю,— согласился Азаровский, кусая губы.

Молчала и Лидия. Они долго шли, погруженные в свои мысли. Наконец Юрий Александрович опять заговорил, и сначала как бы про себя:

— Да... фамильная гордость ко многому нас обязывает... Честь звания... Честь морского офицера... Ты об этом подумай, Лида... Моя ненависть к ним органична и беспредельна. Границ нет этой ненависти... Такой и тебя я хотел бы видеть. И если на этой планете осталось бы только две возможности сохранить жизнь: одна — броситься в лапы чекистов и вторая — сделаться содержанкой,— я на твоем месте безоговорочно предпочел бы вторую.

Лидия отшатнулась. В одно мгновение ей живо предстал Мурояма. Она молча смотрела на Азаровского, и ей казалось, что перед ней стоит японец. Ее охватил беспредельный гнев. Изменясь в лице, она почти шепотом проговорила:

— Какой же вы чудовищный человек со своей бесчестной честью! Как вы смеете говорить о какой-то чести морского офицера?.. Вы не подумали даже, что у меня есть третья возможность — смерть!.. Если бы слышал вас мой дед!

— Лида...

— Молчите, дворянин Азаровский! Одним этим ужасным словом вы зачеркнули всю мою любовь к вам, ради которой я могла пойти на любые страдания и лишения. Вы жестоко вырвали ее с корнем! — И вдруг слезы хлынули по ее усталому лицу.

— Лида... Лида... Ради бога, прости меня... Я не так сказал... У меня такое состояние, что душу можно продать самому черту... Пойми и меня. Ведь я кавторанг императорского флота, а что они сделали со мной? Даже смерть меня не может примирить с ними!

Он взял Лидию под руку, и она, пошатываясь, безвольно пошла с ним к морскому берегу.

Выглянуло солнце. Струился теплый морской воздух. Мертвая зыбь лениво облизывала прибрежные камни, море дышало. Лидия, поставив локти на колени, сидела и грустно, с чувством обреченности смотрела на извечное движение моря. На душе было тем-

отплыть в любом направлении. И капитан задумался о своем, отечественном флоте. Он нес моральную ответственность за судьбу большой группы судов «Доброфлота», которые были приписаны к порту Владивосток. Это по его рекомендации суда снялись и ушли в различные заграничные порты, когда на Дальнем Востоке шла правительственная чехарда.

Последнее время капитан Невзоров о многом передумал. Он думал о том, как удалось Советской России устоять против объединенной интервенции с таким мощным флотом крупнейших морских держав, как Япония, Англия, Америка. Невзоров не очень хорошо разбирался в политической жизни молодой России. Издали трудно было понять смысл всего того, что произошло, но одно для него было ясно и несомненно: что внутри страны образовались какие-то силы, которые в состоянии, оказывается, противостоять натиску объединенных четырнадцати держав. А что это за силы, капитан Невзоров еще не уяснил себе, хотя один факт изгнания интервенции возбуждал патриотическую гордость новой Россией. Голодный, разутый народ дал отпор такой интервенции! Их вождь Ленин объявил уже Владивосток «нашенским». И теперь почти в границах бывшей Российской империи установилась, и, кажется, крепко, Советская власть.

Расчесывая свои густые русые усы, капитан Невзоров прохаживался по своей каюте и, словно советуясь с женой, говорил сам с собой: «Прав Карл Янович: надо становиться на платформу Советской власти, надо брать курс на родину. Там есть более интересные и серьезные дела, чем возить здесь чумизу. Не может быть, чтобы новая Россия не заинтересовалась освоением Северной морской магистрали».

Невзоров еще до революции сделал два рейса до Колымы по Ледовитому океану на самом обыкновенном транспортном судне, каким является «Монгугай». За две арктические навигации он приобрел достаточный опыт плавания во льдах. И вот теперь этот драгоценный опыт пропадает здесь, на этой чертовой чумизе.

Разные мысли возникали у капитана Невзорова, который вдали от родины пытался многое решать сам. Он знал, что во всем торговом Тихоокеанском флоте осталось не более двенадцати судов. Легко догадаться, что каждое вернувшееся судно представит для России огромную ценность. Со многими капитанами-эмигрантами, угнавшими суда, Невзоров уже установил связь. За последнее время и весь экипаж судна жил напряженной жизнью, проявляя большой интерес к новой России.

— Вахтенный! — крикнул капитан с мостика.— Попросите ко мне в штурманскую старшего механика и третьего помощника.

Старший механик Лухт, белокурый, высокого роста, плотный, лет тридцати пяти, не замедлил явиться. Это был человек огромной силы. Про него говорили, что он, если захочет, вручную остановит маховик работающей паровой машины.

— Я слушаю вас, Павел Васильевич,— сказал он с латышским акцентом.

Капитан помолчал и сразу, что называется без обиняков, начал:

— Карл Янович, я принял решение возвратиться в Советскую Россию.

— По-моему, давно пора, Павел Васильевич.

— Как настроение экипажа?

Лухт показал большой палец, подмигнул и стал рассказывать.

— Одним словом, Павел Васильевич, дело только за вами,— закончил он.— Ваше решение, ваш сигнал — и все в порядке.

— За мной остановки не будет.

Вбежал штурман Афанасий Молохов, всегда жизнерадостный, с вьющейся пышной шевелюрой молодой человек.

— Какая готовность судна, Афоня?

— Судно готово к отходу, Павел Васильевич, топливо в бункере, «добро» получено.

— Отлично. Вы свободны. — И, обращаясь к Лухту, капитан с оттенком тревоги в голосе спросил: — Так вы, Карл Янович, считаете, что экипаж нас поддержит?

— Не только поддержит, он готов уже на все. От вас требуется лишь маленькое выступление на собрании. Нужно ваше решение.

но, тоскливо, и казалось, что никогда уже не наступит рассвет. Рядом, понурив голову, сидел Юрий Александрович и смотрел вдаль. Вдруг он вскочил, оживился и стал неотрывно рассматривать военные корабли, входившие в порт. Они шли в кильватере. С гнетущей тоской, до боли в глазах разглядывал Азаровский эти красивые и грозные корабли.

— Лида, посмотри, как величаво они идут. Они напоминают выхоленных женщин, вышедших на прогулку.

Но Лидия задумчиво смотрела на живую воду моря. Наконец она тоже поднялась и сказала:

— Юрий Александрович, я не хочу от вас никакой жертвы. Вас же возьмут и на военный корабль любого флота. Быть на корабле вместе нам не обязательно.

* * *

Туман рассеялся. Ярко засветило теплое солнце. Улицы сразу ожили и заполнились пестрыми и нарядными толпами. Забегали многочисленные рикши. Портовый город принял праздничный вид еще и потому, что на рейде показалась военная эскадра, на флагмане которой находился японский принц. В порту стояло множество кораблей. Лес мачт заполнял весь рейд. Всюду сновали катера, кунгасы, кавасаки и передвигались суда, целые составы поездов перевозились на паромах через пролив.

Еще до подхода военной эскадры к «Монгугаю» прибыл быстроходный катер с японскими портовыми властями.

— Капитана к борту! — крикнул маленький японец в форменной фуражке.

— Уберите свое чудовище в глубь внешнего рейда! Оно может испортить настроение принцу, следующему на военной эскадре! — распорядился он, нарушая всякие нормы вежливости, принятой между моряками.

— Будет выполнено! — с достоинством ответил капитан Невзоров.

Своей запущенностью судно «Монгугай» действительно обращало на себя внимание. Борта ошкороблены, весь корпус по ватерлинию был в пятнах сурика, но и сурик от времени посерел. На покраску судна не было средств. Здесь, среди роскошных кораблей, «Монгугай» стоял, как нищий рождественский мальчик под окном богатого особняка. Горько было переживать это бездомное и беззащитное существование в чужих водах.

Когда проходила японская военная эскадра, весь экипаж «Монгугая» вышел на борт полюбоваться чужой мощью. Русские моряки с завистью смотрели на проходившие военные корабли. Смотрел с мостика в бинокль и капитан Невзоров. Он закурил трубку и отдал распоряжение собрать в девятнадцать ноль-ноль весь экипаж в кают-компании.

Коренастый, широкоплечий капитан Невзоров, лет сорока, с обветренным лицом, на котором играл юношеский румянец, был омрачен. Военная эскадра расстроила его. Островная страна Япония — и такой флот! А ведь всего лет шестьдесят назад японцы патрулировали фрегат «Паллада» за неимением судов на лодочках с фонариками. А теперь говорят, что японцы развили такую судостроительную промышленность, что в случае всеобщего землетрясения могут посадить на пароходы все население своего государства и

Надо чуть-чуть задеть патриотические струны. Не знаю, как вы посмотрите, а я бы считал важным сказать вот об этом.— И Лухт подал капитану листок бумажки с какой-то записью.

Невзоров посмотрел и сказал:

— Я подумаю. А теперь прошу вас поднять пар и держать машину в получасовой готовности.

— Машина почти готова, Павел Васильевич..

— Проведем собрание, и тут же отход. Все.

— Есть! — сказал Лухт и удалился.

В назначенное время экипаж судна собрался в кают-компании. Никто не знал, по какому поводу капитан пригласил экипаж, но всем было ясно, что назревает что-то важное и серьезное. Моряки явились в самой разнообразной одежде. Одни — в синей американской робе, другие — в дешевых клетчатых костюмах, третьи — просто в рубашках-ковбойках с засученными рукавами. У всех усталые, сосредоточенные лица. Все сидели молча в ожидании Павла Васильевича Невзорова, пользовавшегося большим уважением и любовью всего экипажа. В условиях эмиграции он заменял им государство. Все находились под его опекой и защитой. Капитан пользовался непререкаемым авторитетом.

Он показался в кают-компании и с несколько опущенной головой, задумавшись, прошел к столу, заняв свое обычное капитанское кресло.

— Разрешаю курить! — сказал он, набивая свою трубку.— Все в сборе?

— За исключением трех человек, уволенных на берег. От двоих из них получено известие, что на борт судна они не вернутся и останутся в эмиграции на берегу.

— Один из них — старший помощник Азаровский? — спросил капитан.

— Нет, рулевой Якобсон и повар Прытков,— ответил штурман.

— К борту подходит джонка со старшим,— доложил вахтенный.

Вскоре в кают-компании показался Азаровский, вслед за ним вошла и остановилась в дверях Лидия Синявина.

— Юрий Александрович, прошу занять свое место, а Лидии Сергеевне разрешаю присутствовать на собрании экипажа. Прошу вас сюда.

Капитан Невзоров встал, оглядел всех и, несколько волнуясь, сказал:

— Друзья, я пригласил вас, чтобы сказать вам совершенно открыто о нашем положении. Мы дошли до такого состояния, что жить так дальше не можем. Это — кризисное состояние. Не говоря уже о лишениях, которые мы испытываем, мы слишком часто оказываемся в унизительном положении. Здесь, за пределами России, мы беззащитны. Китайский флаг дает нам только право совершать рейсы. Мы и сами не можем приспособить себя к чужому образу жизни, ибо каждая нация имеет свои традиции и обычаи, глубоко укоренившееся чувство национальной чести и достоинства. Почти у каждого из вас остались на родине семьи, с которыми утрачены нормальные связи.

Капитан помолчал и, покрутив трубку в руках, несколько повысив голос, продолжал:

— Друзья! В нашей жизни наступил серьезный, переломный час... Я принял решение всем экипажем вернуться на родину и сейчас же взять курс на Владивосток.

— Правильно! Домой! На родину! — закричали отовсюду возбужденные моряки.

— В пасть Гепеу! — крикнул кто-то.

Азаровский сидел бледный, опустив голову на руки. Но вдруг вскочил и, глядя в упор на капитана, нервически проговорил:

— Кто дал вам право решать наши судьбы?

— Это — мое личное и непреклонное решение, решение командира судна. Кто не согласен с ним, пусть остается в эмиграции, подобно Якобсону и Прыткову. Прошу желающих продолжать это унизительное эмигрантское существование поднять руки!.. Смотрите, Юрий Александрович, вслед за вашей одна робкая рука... Не задумываясь более, я верну судно Советской России и, как патриот своей страны, приму все зависящие от меня меры, чтобы вернуть и другие корабли-эмигранты.

Азаровский затрясся и крикнул:

— Большевистский агент! Но вам не удастся сделать это! — И, выхватив из заднего кармана браунинг, он нацелился в капитана.

— Юра! — вскрикнула Лидия и схватила его за руку, но было поздно: выстрел раздался.

Моряки схватили Азаровского. В кают-компании начался переполох. К капитану пробился доктор.

— Не беспокойтесь, доктор! Рука — не сердце.— И капитан поднял руку, из запястья которой сочилась кровь. Тоном обычного приказания он отдал распоряжение: — Вира якорь!

От работавших машин корпус судна вздрагивал. Корабль выводил второй помощник капитана, а Невзоров все еще стоял против Азаровского в кают-компании.

— Вы можете меня не держать, Лухт. Я безоружен, а зубы ломать о вас я не намерен,— раздраженно проговорил Азаровский.

— Ничего, подержим, — ответил с удивительным спокойствием старший механик.

— Что же, то-ва-рищ Невзоров,— презрительно сказал Азаровский,— первую добычу повезете в Гепеу, чтобы искупить свою вину и сохранить свою подлую жизнь?

— Нет,— спокойно ответил капитан.— Я прикажу вас спустить за борт.

— Благодарю вас. Охотно предпочту с колосниками на ногах пойти на дно и кормить крабов, чем встречаться с вашими чекистами.

— У меня нет ни одного чекиста. Но у меня нет и колосников для живого трупа.— И Невзоров выглянул в иллюминатор. Судно уже оставило внешний рейд. Повернувшись к Азаровскому, показывая на него пальцем, он хладнокровно сказал:

— За борт!

Лидия Синявина в слезах бросилась к Азаровскому, но капитан схватил ее за руки:

— Успокойтесь, Лидия Сергеевна. Вы ничего не потеряли... Вахтенный, бросьте ему вслед спасательный круг. У него сил не хватит держаться на воде.

* * *

Лидия Синявина сидела в кресле капитанской каюты и тихо плакала, будто она вернулась с кладбища, похоронив близкого человека. Мысли о потере Юрия Александровича вытеснили даже опасения за свою дальнейшую судьбу в Советской России. Теперь ей все равно, так как, по ее представлению, жизнь закончилась и ничто не могло ее ни интересовать, ни радовать, ни страшить. Впереди не было ни надежды, ни цели, и жизнь пошла, никем и ничем не управляемая.

Около нее молча сидела пожилая женщина — жена капитана Невзорова — и нежно, по-матерински гладила ее по голове. Каштановые волосы Лидии рассыпались, и она не приводила их в порядок. Порой она ни о чем не думала и не хотела думать.

Сам капитан Невзоров стоял на мостике, и судно, оставив берега, шло среди морских просторов. Море было спокойно, небо ясное и солнечное. Стояла какая-то удивительно убаюкивающая тишина — предвестник бури. И эта зловещая тишина казалась нехорошим предзнаменованием. Все на «Монгугае» возвращались на родину с чистой совестью, и все же беспокойство за свою судьбу не покидало никого. Всем казалось, что их ждет что-то роковое. Казалось иногда, что шла игра на жизнь. Как встретит их родина? Что с семьями, если они сохранились? Из отрывочных и случайных известий нельзя было составить ясного представления.

И только само судно «Монгугай» вело себя превосходно, развив небывалую для него скорость: десять узлов в час.

Капитан Невзоров оставил мостик на штурмана и спустился в свою каюту. Он тоже не находил себе места, хотя своего настроения и не проявлял. Подойдя к Лидии Синявиной, он с наигранным подъемом сказал:

— Лидия Сергеевна, головы не вешать! Сегодня будем на русской земле. Выше голову! Хуже того положения, в каком мы были, на свете нет. Истинно русский человек в эмиграции жить не может. Здесь всякого загрызет тоска по родине.

— Я могла мириться с любым положением, у меня была надежда, Павел Васильевич. А теперь я не знаю, что у меня есть,— с какой-то безнадежностью сказала она.

— Э, милая моя, жизнь — это не ракетный снаряд: зарядил и выстрелил! В ней, чертовке, столько зигзагов может быть, что всего невозможно и предвидеть. Была бы молодость! Это — основное богатство. С ней море по колено. А жизнь у вас вся впереди. Вставайте, приведите себя в порядок, будем обедать. Сейчас что называется семейным кругом сядем за стол.— Капитан взял ее под руку и поднял из кресла.

— Обед у нас не ахти какой, а супом все же пахнет.

— Павел Васильевич, вот завтра мы сойдем с корабля, куда я пойду? — тревожно спросила Лидия.— У меня же теперь нет места в России.

— Как же это нет? — разведя руками, сказал капитан. — Что же, мы не русские люди? Врагами новой России мы тоже не были. По-моему, нам должно быть место на русской земле. Тем более, что мы тоже можем кое-что делать. А вот сейчас, по прибытии в порт, чтобы не было лишних разговоров при оформлении судна, надо занести вас в судовую роль. Только в качестве кого? Штурманом — не могу, механиком — тоже, можно буфетчицей... Понимаете, Лидия Сергеевна, это простая формальность. Как вы смотрите на это?

— Я благодарю вас, Павел Васильевич, за участие. Но кажется мне, надо явиться тем, кем ты есть на самом деле... Я пассажирка из эмигрантов, решившая вернуться в Россию. И все... А там пусть что хотят, то и делают. Мне все равно... Я думаю так, Павел Васильевич.

— Лидия Сергеевна, я слушал вас очень внимательно и с большим уважением отношусь к вашему совершенно зрелому рассуждению... Так и будет. Прошу вас всегда рассчитывать на меня. Разумеется, в пределах моих возможностей, — развел он опять широко руками. — Ведь своей жизнью я обязан лично вам.

Лидия Сергеевна молча, наклоном головы, поблагодарила капитана.

Во время обеда Невзорову доложили, что судно вошло в территориальные воды. Наско-

ро вытерев усы салфеткой, он прервал обед и торжественно произнес:

— Все на палубу! Мы вошли в русские воды!

Капитан Невзоров надел парадный костюм и, выйдя на палубу, прошел к фок-мачте.

«Монгугай» уже остановился, мягко покачиваясь на воде. По борту выстроились моряки. И хотя судно не было военным, капитан Невзоров подал команду:

— На флаг! Смирно!

Моряки вытянулись, руки по швам.

Морской воздух огласился мощными и призывными звуками «Интернационала». Красное полотнище медленно поднималось вдоль мачты. Казалось, что и само судно «Монгугай» прислушивалось к звукам нового гимна, впервые разносившимся с этой палубы. Это была не простая церемония поднятия флага на корабле, а как бы принятие в советское гражданство всего экипажа «Монгугая».

Моряки стояли по команде «смирно» и пели Государственный гимн Советской России во всю мощь своих голосов и впервые в жизни. На фланге стоял Лухт, и его густой бас был ведущим голосом. Он пел, а по щекам его катились слезы. И странным казалось видеть их на лице этого огромного человека. Все знали, что плетью у него не могли выбить слезу. А теперь вот они текли от волнения, и сам Лухт смущался, испытывая неловкость за свою слабость, но смахнуть их не решался. Он стоял по струнке, руки по швам, пока не закончилась церемония поднятия флага.

Легкий бриз подхватил красное полотнище, сердце «Монгугая» вновь заработало, судно легло на заданный курс и полным ходом пошло навстречу новой судьбе. Невзоров подошел к Лухту и сказал:

— Теперь, Карл Яныч, надежда на вас. Предстоящие рифы обходить я не мастер. Посредничество с властями берите на себя.

— Павел Васильевич, по курсу — чистое море. Эту дорогу я знаю, на банку не напоремся! — весело и игриво сказал Лухт.

— А может быть, и впредь поплаваем вместе?

— Все может случиться, Павел Васильевич, если не заберут на Дальзавод. Поживем — увидим.

Подбежал радист и передал первую радиограмму из Владивостока:

«Монгугай» капитану Невзорову

Приветствуем и от всего сердца горячо поздравляем возвращением на родину вас и весь экипаж «Монгугая». Организуем торжественную встречу. Начальник порта Шевченко».

Радиограмма полетела из рук в руки по всему экипажу. И этот маленький клочок бумажки с теплыми словами из родного города словно вдохнул в души истосковавшихся по родине людей мощную струю жизни.

* * *

Бирюзовая вода Японского моря, как и у берегов Японии, плескалась о борт судна и бежала за корму. «Монгугай» уже шел у скалистых берегов, покрытых лесом голубой окраски. Знакомые, примелькавшиеся с детства места! Судно приближалось к порту Владивосток.

Всякий раз, когда моряки возвращались из дальнего плавания, этот участок пути вызывал необычное настроение.

Предстояла встреча с женами, с детьми, с домом, с привычной родной обстановкой. Теперь же к этому чувству радости прибавилось и нечто новое, еще не изведанное чувство. Моряки возвращались не только домой, в свои семьи, но и в родную страну, все величие и значение которой становится наиболее понятным, когда находишься вдали от родины, когда истинному патриоту жизнь на чужбине действительно становится в тягость. Здесь, на подходе к Владивостоку, на берегах Тихого океана, даже воздух казался родным. Все моряки, свободные от вахты, толпились на носу, разглядывая знакомые места.

Пройдя карантинный пункт, «Монгугай» вошел на внешний рейд. Вскоре по правую сторону показался лесистый зеленый мыс Чуркин, а по левую открылась изумительно живописная, широкая — глазом не окинешь — панорама Владивостока. Город амфитеатром, ступенями поднимался по склонам холмов. Вдоль всей бухты Золотой Рог внизу, на нижней террасе, протянулась главная улица — Светланская. От нее, как сучья от ствола, расходились Алеутская, Китайская, Суйфунская, Посьетская, Тигровая, Пекинская. Дома в этом городе с тихоокеанским колоритом лепились по склонам холмов и, казалось, сами взбирались и шли в горы, на верхние террасы. Лидия Синявина стояла на мостике с капитаном и говорила:

— Я не видела с рейда город. Тогда мы убегали ночью, с потушенными огнями. А теперь вот он, во всем блеске солнца.

Все рассматривали город, как будто видели его впервые.

— А это Эгершельд,— говорил капитан,— там Гнилой угол, Голубиная падь, Куперовская падь, Корейская слободка, Семеновский базар, Китайский квартал, Матросская слободка,— там была моя квартира. Не знаю, что теперь с ней.

На рейде, у причалов стояли корабли под флагами разных стран. Среди них вкраплены расцвеченные флагами суда. Это советские корабли приготовились принять в свою семью еще одно судно — «Монгугай». Тонкими столбиками дымили трубы кораблей по всей бухте Золотой Рог. Доносился шум города, лязг железа, пронзительно раздавались гудки советских паровозов, пришедших на берега Тихого океана.

Ободранный, весь в пятнах сурика, но также расцвеченный флагами, «Монгугай», несмотря на свой обездоленный вид, шел, гордо рея красным флагом, в глубь рейда, куда вел его портовый катер.

Едва капитан Невзоров подал команду: «Отдать якорь!»,— как вся бухта Золотой Рог огласилась приветственными гудками стоявших в порту кораблей. И эта мощная симфония гудков казалась членам экипажа «Монгугай» лучшей музыкой. В общем гуле корабельных голосов потонул ответный гудок «Монгугая», который после скитаний и мытарств вернулся в свою семью.

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ

Овидий принадлежит к числу тех великих поэтов, без которых нельзя представить себе современной культуры. Долгих две тысячи лет прошло с 23 марта 43 года до нашей эры — со дня рождения Овидия, — но его поэзия ничуть не состарилась, и он все так же «млад и жив душой незлобной».

Публий Овидий Назон творил в период, когда начался закат Рима. При императоре Августе Римское государство постепенно превращалось в гигантскую мрачную тюрьму не только для рабов и покоренных народов, но и для самих римских граждан. Август опасался острого поэтического слова, он вел скрытую, глухую борьбу с Вергилием, Горацием, Овидием. Хотя императору удавалось заставить поэтов ульстить, но в целом его усилия пропадали даром, а поэзия лишь закалялась и находила новые пути постоять за свободу. Чувствительнейший удар по деспотизму нанес как раз Овидий, шутливый певец любовной неги, самый младший, самый легкомысленный и казавшийся наименее опасным из трех великих поэтов времени Августа.

Отец готовил Овидия к юридическому поприщу. Но юношу неудержимо влекло стихотворство, и даже пробную речь на суде он произнес в стихах. На этом кончились занятия правом, и Овидий отдался любимому делу. Вслед за принесшими молодому поэту славу радостными и красочными «Любовными элегиями» последовало несколько лукаво-шаловливых поэм о любви. В одной из них — «Науке страсти нежной» — Овидий, потешаясь над пристрастием Августа к поучительной поэзии, «наставляет» в искусстве любви. Он дает советы (особо — мужчинам, особо — женщинам), как выбрать предмет любви, как добиться взаимного влечения и, наконец, как удержать любовь. Будто шутя, Овидий рисует разложение верхушки римского общества.

Воображение современников Овидий пленил и другим замечательным произведением, «Героидами». Это стихотворные послания, написанные от имени разлученных обстоятельствами либо покинутых своим мужем или возлюбленным женщин. Овидий виртуозно воссоздает разнообразные оттенки чувств: он изображает беспокойство и нежную грусть верной жены Пенелопы, которую война на двадцать лет разлучила с Одиссеем, и отчаяние страстной карфагенянки Дидоны, покинутой своим возлюбленным Энеем, и мстительную ревность оставленной мужем Медеи.

Наибольшей высоты искусство Овидия достигло в его бессмертной поэме «Метаморфозы» («Превращения»). С первого взгляда эта большая поэма так же далека от политики, как и другие произведения Овидия. В ней рассказываются старинные греческие мифы о богах и героях. Однако «Метаморфозы» аполитичны только по видимости. На самом деле весь их пафос направлен против деспотизма, и в них столько свободолюбия, что они таят источник вдохновения, сохранивший вечную свежесть и для Боккачо, и для Пушкина, и для наших современников.

Август гордился, что остановил Римское государство на краю пропасти; он был одержим идеей стабилизации. Овидий посмеялся над этой пустой мечтой: главная идея «Метаморфос», восходящая к стихийной диалектике народных греческих сказаний, заключается в том, что все изменяется, превращается во что-то совершенно новое. Легкие и звучные стихи прославляют это необоримое движение, по сравнению с которым консервативные мероприятия Августа выглядели как жалкие пигмейские потуги.

Овидий осуждает войны и стяжательство своих современников, но в целом изображает развитие человечества как движение вперед. Во всей поэме и в отдельных эпизодах он дает понять, что нет сил, способных сковать человеческие мысли и чувства.

Вот на острове Крите томится в плену Дедал. На суше и на море путь загражден тираном Миносом. Но Дедал бросает вызов тирании и, сделав из перьев крылья, отважно пускается с сыном Икаром в полет.

— Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет!

Поэт воспевает безрассудное дерзание Икара, который поплатился жизнью за смелость, поднявшись высоко к солнцу...

Как и во всех своих произведениях, Овидий выступает в «Метаморфосах» великим певцом любви. Из многочисленных любовных эпизодов поэмы особенно интересен эпизод, предваряющий «Ромео и Джульетту» Шекспира: поэтичный рассказ о Пираме и Тисбе, юноше и девушке, ставших смелыми и самоотверженными под влиянием любви и трагически погибших по вине родителей.

Окружению императора было ненавистно свободолюбие Овидия, возраставшее влияние поэта; двор пугало в Овидии, что

Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный...

Август сослал пятидесятилетнего поэта на Черное море — на крайний север, по тогдашним римским представлениям. Здесь, в ссылке, сочиняя и посылая друзьям в Рим свои последние «Печальные элегии»,—

...страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.
(А. Пушкин)

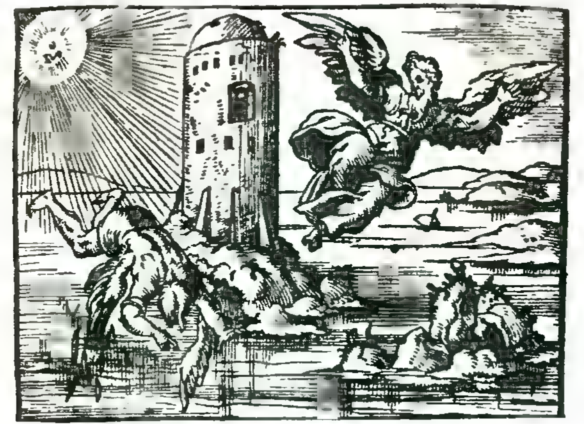
С конца XVIII века русские люди стали разыскивать на черноморских берегах следы пребывания великого поэта. В его честь был назван город в устье Днестра; впоследствии выяснилось, что место ссылки поэта было несколько южнее — у рубежа Румынии и Болгарии, но гордое наименование Овидиополь сохранилось на карте Советского Союза.

Особенно волновал Овидий Пушкина, сосланного другим царем в те же места, где некогда страдал римский поэт. В ссылке Пушкин сроднился с поэзией Овидия, и творения римского певца свободы наполнились глубоким смыслом для русского певца свободы. Пушкин написал стихотворение «К Овидию»; он воздал должное поэту в «Евгении Онегине» и, наконец, воздвиг ему монумент в рассказе старика-цыгана, как великому поэту, память о котором в молве народной живет тысячелетия.

Овидий верил в будущее и завершил свои «Метаморфосы» стихами:

Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки, во славе—
Ежели только певцов предчувствиям верить—
пребуду.

Н. БАЛАШОВ

Дедал и Икар. Гравюра из немецкого издания «Метаморфос» 1563 года.

Неопубликованное письмо автора «Цусимы»

Алексей Силыч Новиков-Прибой (1877—1944) — выдающийся советский писатель, автор популярного романа «Цусима», многих повестей и рассказов. 24 марта советская общественность отмечает 80-летие со дня рождения писателя.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится литературное наследие А. Новикова-Прибоя: рукописи ряда произведений и материалы, собранные для работы над «Цусимой», письма участников русско-японской войны, дневниковые записи участников цусимского боя и другие документы. Есть в архиве и письма А. С. Новикова-Прибоя. Ниже публикуется одно из них — к писательнице М. М. Шкапской (1891—1952), творческое наследие которой также находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР:

А. С. Новиков-Прибой на охоте. 1935 год.

«Уважаемая Мария Михайловна!

Простите за опоздание с ответом на Ваше письмо от 30 июня. Я очень был занят это время: редактирую для нового издания «Цусиму», вставляю в нее новые главы, изменяю текст местами, устраняю шероховатости. Скоро «Цусима» выйдет в одном томе («Советский писатель» издает) с иллюстрациями художника-моряка П. Я. Павлинова.

Горячий и задушевный Ваш отзыв о моей «Цусиме» глубоко меня тронул. Едва ли кто из писателей получил на то или другое свое произведение столько читательских откликов, сколько я. Пишут мне крестьяне, рабочие, краснофлотцы, красноармейцы, инженеры, педагоги, профессора. И тем не менее Ваша похвала очень ценна для меня. Вас я знаю как замечательную стилистку, как поэтессу с глубоким чувством. Я безусловно верю Вашей искренности, но мне кажется, Вы переоцениваете «Цусиму». Сам я чувствую, что, работая над ней, не исчерпал свои силы. Политические условия сложились так, что пришлось выпустить ее в свет раньше времени. Нужно бы по крайней мере повозиться с нею еще года два. Но в одном могу Вас уверить, что работал я над «Цусимой» добросовестно. Иногда, встречая противоречивые показания свидетелей сражения, я взвешивал материал чуть ли не на граммах, чтобы восстановить историческую правду. Факты очень связывали мою творческую фантазию, но материал сам по себе настолько красочный, что книга, по моим расчетам, должна получиться интересной, хотя в ней и нет выдумки.

Вы в своем письме рассказали об умилительном факте — Ваша семилетняя дочь иллюстрировала картинками Ваше чтение «Цусимы». Это взволновало меня больше, чем овации многочисленной аудитории. Кстати, выздоровела ли она, моя дорогая и быть может самая юная читательница? От души желаю ей скорее поправиться и начать резвиться на солнце.

Очень буду благодарен Вам, если Вы пришлете мне свою книгу стихов с надписью. В свою очередь я вышлю Вам новое издание «Цусимы». Крепко жму Вашу руку.

А. Новиков-Прибой
2. VIII. 35.
Москва, 9,
Б. Кисловский пер., 5, кв. 8.»

Н. ЧЕРНИКОВ

«Сибирским огням» — 35 лет

СИБИРСКИЕ ОГНИ

Сравнительно недавно «Сибирские огни» были единственным периферийным литературно-художественным журналом. До революции сибирских литераторов было немного. Это были политические ссыльные, как, например, Владимир Короленко, или писатели из местной интеллигенции: руководитель Томского округа водных путей сообщения инженер-гидротехник Вячеслав Шишков, или славгородский бухгалтер Антон Сорокин, преподаватель омской учительской семинарии Седельников, или поэты-самоучки, как Иван Ершов.

Между тем этот огромный край, конечно, не мог не иметь собственных самобытных талантов. Об этом много раз говорил сибирякам Максим Горький. Нужно было их объединить и направить творческие усилия в русло партийной, подлинно народной литературы.

Эту задачу мог выполнить журнал. При непосредственном участии Емельяна Ярославского такой журнал был создан. В нем набирали силу таланты многих советских писателей.

В довоенные годы «Сибирские огни» были едва ли не единственным органом, на страницах которого появлялись литературные произведения алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев, ненцев, манси. Почти все произведения алтайца Павла Кучияка, тувинца Салчака Тока, шорца Чиспиякова впервые появились в «Сибирских огнях».

Журнал в год своего 35-летия становится ежемесячником (до сих пор журнал выходил шесть раз в год).

Будем верить, что «Сибирские огни» завоюют широкое признание в стране, привлекут внимание всех тех, кого так или иначе интересует Сибирь — ее природа, ее прошлое и настоящее, ее героические люди, ее великое будущее.

Сергей ЗАЛЫГИН

От Вены до Мельбурна

Федор Богдановский впервые встретился с американским штангистом Питером Джорджем в Вене. В спортивный зал, где тренировалась советская команда, однажды гурьбой ввалились американские спортсмены. Дмитрий Иванов подвел Богдановского к смуглому, чернобровому парню и сказал:

— Познакомься, Федя, с Петей Георгиевым.

Богдановский с удивлением посмотрел на смеющегося Петю Георгиева, в котором узнал Питера Джорджа, знакомого ему по фотографиям.

— При чем же здесь Георгиев? — спросил он.

— А я болгарин,— сказал вдруг на ломаном русском языке Питер Джордж и внимательно, с профессиональной хваткой оглядел по-юношески стройную фигуру Федора.

Первая встреча двух спортсменов закончилась победой Джорджа с минимальным преимуществом в два с половиной килограмма. Набрав в трех упражнениях 402,5 килограмма, Богдановский установил новый рекорд Советского Союза (старый держался 14 лет).

Летом 1955 года советские штангисты ждали гостей из Америки. Федор был средн встречающих на Внуковском аэродроме. В руках он держал большой букет цветов, предназначенный для Питера Джорджа. Но тот не смог прилететь в Москву.

— Питер завтра венчается,— объяснил его отсутствие другой штангист США, Томас Коно.

— Венчание — причина уважительная,— пошутил Федор, передавая цветы Коно.— Пошлите ему поздравление и от меня.

На арене Ленинградского цирка в матче с американцами Богдановский доказал, что сумел добиться многого. Он поднял 407,5 килограмма.

Через четыре месяца в Мюнхене происходило очередное первенство мира по штанге. И там опять вспыхнуло соперничество между Федором Богдановским и Питером Джорджем. Оба спортсмена набрали в троеборье одинаковую сумму — 405 килограммов, но так как собственный вес американца оказался меньшим, ему была присуждена победа.

Расставаясь с Богдановским, Джордж пригласил его в Нью-Йорк. Однако госдепартамент помешал встретиться друзьям-соперникам. Их новая встреча состоялась в Мельбурне на XVI Олимпийских играх.

24 ноября в 7 часов вечера 5 тысяч зрителей собрались в Выставочном зале, где начались соревнования атлетов полусреднего веса. Пока состязались менее опытные штангисты, Федор Богдановский зашел в комнату, где отдыхал Питер Джордж.

— Желаю тебе успеха,—обратился он к Джорджу.

— Спасибо... И тебе тоже...

И вот два спортсмена на помосте.

В первом движении — жиме — Федор Богдановский поднимает 132,5 килограмма. Джордж отстает от него на 10 килограммов. В следующем движении—рывке — американец сокращает разрыв наполовину.

Соревнования затягивались. Шел второй час ночи, но ни один зритель не покидал своего места. Решался вопрос: кто же победит — Богдановский или Джордж?

На штанге—157,5 килограмма. Осталось всего два участника, претендующих на золотую олимпийскую медаль.

И Джордж и Богдановский подняли в толчке 162,5 килограмма, а затем Богдановский, в последнем подходе, зафиксировал 165 килограммов. Он добился в троеборье феноменального результата — 420 килограммов. Это мировой рекорд. Теперь Джорджу остается только одно, чтобы догнать Богдановского,— поднять 170 килограммов. Трижды он подходит к штанге, трижды берется за гриф, но каждый раз возвращается к ящику с магнезией, натирает руки, грудь. Лишь в четвертый раз попробовал Джордж взять вес. Штанга на уровне колен, груди, вот она в воздухе, но тут же с грохотом падает на помост, и грохот этот, как звук сигнального колокола, извещает всех, что советский спортсмен Федор Богдановский победил, что он завоевал олимпийское первенство.

В. ПЕТРУСЕНКО

В Мельбурне. Слева направо: П. Джордж, Ф. Богдановский и А. Пиньятти (Италия).

Влад. СОЛОВЬЕВ

«ПРОРОК»

«Джорнале д'Италиа» опубликовала «предсказания на 1957 год» одного европейского шарлатана, известного под именем «толедского мага». Суть этих предсказаний приводится ниже.

Живет в Толедо некий маг,
Кудесник, знахарь и астролог...
Как предсказатель истин голых,
Броженье вызвавший в умах
И в курсе биржевых бумаг.

Недавно в полночь, как-то раз,
Толедский маг гадал по звездам..
И так как дядя Сам не создал
Еще на них воздушных баз,
То звезды радовали глаз.

Но звездный хор имел в виду
Все, что в виду имеет Даллес...
И звезды магу проболтались,
Ему открывши на ходу,
Что ждет нас в нынешнем году

Они поведали ему,
Что Израиль, войдя в Египет,
Последний бомбами засыплет,
И тот в пожарах и дыму
Сойдет в «египетскую тьму»!

Но дядя Сам, как дядя Ной
В известной притче водяной,
И тех и тех «помирит» сразу,
Создавши атомную базу
На базе базы нефтяной.

Мир станет тихим, как погост...
И коммунизм во время ООНо
Объявлен будет вне закона,
А США, поднявшись в полный рост,
Достигнут наконец до звезд!

Так объявил «толедский маг» —
Пророк известный и астролог,
Ряд предсказаний невеселых,
Броженье вызвавших в умах
И повышение бумаг...

. . . .

Как глубоко ошибся он,
На звезды поздние глазея!..
Снискавши лавры Моисея,
Народ свой с помощью ООН
Уже увел Бен-Гурион...

В основу прошлое беря,
Слыхали мы, былыми днями
Народ пророков бил камнями...
Что ж, откровенно говоря,
Он бил их, видимо, не зря!

ДВЕ ФОТОГРАФИИ

У Маро Ткавадзе совсем седая голова. Ее подружки тоже основательно поседели. В них не сразу узнаешь молоденьких альпинисток со старой фотографии, висящей в клубном музее. Они все: Маро Ткавадзе, Лидуся Чхеидзе, Асмат Николайшвили, Элико Лордкипанидзе и Маро Бежанишвили — учились в Тбилисском государственном университете и совершили в 1923 году массовое восхождение на вершину Казбека.

В тот год восемнадцать студентов, в числе которых и было пятеро девушек, взяли знаменитую кавказскую вершину, положив начало советскому альпинизму. Спустя год эта же группа поднялась на Эльбрус, а еще через год руководитель восхождения профессор Тбилисского государственного университета Г. Н. Николадзе сделал сообщение в Лондонском королевском географическом обществе о первых советских альпинистских экспедициях. По рукам членов общества ходил альбом с фотографиями, который и ныне хранится в клубном музее. Его разглядывали кто с недоверием, кто благожелательно. В числе последних был и Дуглас Фрешфильд, известный английский путешественник, исследовавший Кавказский хребет еще в 70-х годах прошлого столетия. Фрешфильду было 84 года, он жил в деревне на покое, и в Лондон приехал специально послушать доклад Николадзе. Вот что он написал грузинскому ученому после этой встречи:

«Теперь я уже старик и не могу рассчитывать попасть к Вам. Но я надеюсь, что еще несколько лет я смогу следить отсюда за развитием Вашего альпинизма в области высоких вершин и нагорных долин.

Я должен просить Вас выразить членам и руководителям Вашего общества мои лучшие пожелания успеха и в то же время поздравить членов Вашей туристической секции с их успешной экспедицией и, в частности, пять девушек, совершивших с Вами восхождение на Эльбрус».

С тех пор прошло 30 лет. Из пятерых осталось четверо. Нет Лидуси Чхеидзе. И когда эти четверо собираются в альпинистском клубе, кто-нибудь ставит на стол макет Главного Кавказского хребта: Казбек, Эльбрус, Тетнульд, Гестола, Ляльвар... Сколько воспоминаний!

В 1932 году, поднимаясь на Казбек по новому сложному пути, Асмат Григорьевна Николайшвили сильно обморозилась, и ей пришлось оставить альпинизм, но от путешествий она не отказалась. Агроном по специальности, Асмат много поездила на своем веку. Была в Таджикистане, организовывала в Вахшской долине субтропическую станцию.

Интересно сложилась жизнь у Марии Григорьевны Ткавадзе. Став инженером, она участвовала в первых стройках Закавказья: РионГЭС, АцГЭС, ДзораГЭС, КанакерГЭС. Строила канал имени Москвы, восстанавливала гидростанцию на Баксане, Свирскую ГЭС. Когда в Грузии стали возводить первые корпуса Закавказского металлургического завода, Мария Григорьевна вернулась в родные места.

Сейчас она старший инженер Управления капитального строительства завода, организатор и участница четырех альпиниад металлургов.

Спустя 25 лет после первого восхождения на Эльбрус Маро Ткавадзе и Маро Бежанишвили снова поднялись на высоту пять с лишним тысяч метров. Маро Бежанишвили и Элико Лордкипанидзе до последнего времени занимаются физическим воспитанием студенчества и школьников. Все четверо — члены совета Грузинского альпинистского клуба имени Алеши Джапаридзе.

И. МЕСХИ

Участницы восхождения на Казбек и Эльбрус 1923—1925 годов (слева направо): в первом ряду — Маро Ткавадзе, Лидуся Чхеидзе, Асмат Николайшвили; во втором — Элико Лордкипанидзе, Маро Бежанишвили

В Грузинском альпинистском клубе (слева направо): Маро Бежанишвили, Асмат Николайшвили, Элико Лордкипанидзе и Маро Ткавадзе

Фото В. Джейранова

Размышляя о музыке

Гавриил ПОПОВ

Год 1957-й — год знаменательный. 40-летие Великого Октября! Естественно, что достижения, перспективы развития нашей советской культуры стали предметом широкого обсуждения не только в профессиональной среде.

Наша эпоха рождает у художника много чувств, окрыляет его творчество. Великолепная, но трудная задача возникла перед писателями, художниками, композиторами—показать богатство содержания новой, социалистической жизни, ее величие.

Мне кажется, что самое главное слово о нашем времени, о советском народе, четыре десятилетия назад завоевавшем свободу, отстоявшем ее в боях, о народе, созидающем основы коммунизма, должно быть сказано искусством, прежде всего в монументальной форме.

Нам, композиторам, надо создавать — если применить к музыке термин живописи — монументальные фрески: героические, трагедийные, лирические симфонии, оратории, оперы, балеты. Понятно, что не только эти крупные музыкальные формы могут выразить философский смысл нашей современной жизни. Бесконечно много можно сказать и в камерных инструментальных и вокальных формах. Вспомним хотя бы цикл сонат Бетховена, Шопена или, например, вокальные циклы Шуберта, Шумана. Ведь это не только блестящие камерные произведения. Авторы вложили в них бесконечное разнообразие человеческих чувств, мыслей, в них звучит воля к борьбе за высшие идеалы, за прогресс человечества, революционный протест против зла и насилия.

Музыка должна быть выразительницей самых сокровенных чувств, раздумий и обобщений композитора, воодушевленного благородной идеей.

К сожалению, у нас еще недостаточно произведений монументального искусства — опер, симфоний, ярких, содержательных. Но золотой фонд монументальных форм советской музыки создается. Мы его не мыслим сегодня без замечательных достижений С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мясковского, А. Хачатуряна, Ю. Шапорина и других выдающихся композиторов. Мне кажется, недооценена, к сожалению, монументальная национально-русская симфоническая «Ода на окончание войны» Прокофьева и его сатирическая опера «Обручение в монастыре». Незаслуженно редко исполняют произведения талантливых, своеобразных советских симфонистов В. Щербачева, Б. Лятошинского, А. Баланчивадзе, Ю. Кочурова, Ш. Мшвелидзе, Яниса Иванова, А. Мачавариани. Их произведения, да и многих других написаны своим характерным почерком.

Когда речь идет об индивидуальном почерке композитора — это отнюдь не призыв к поискам формы ради нее самой. Много, очень много дает постоянное изучение творческого наследия классиков. Но никто из великих не повторял своих предшественников, а писал по-своему, своим почерком.

Очень важно, чтобы композитор чувствовал себя в силах сказать новое слово в искусстве. А новое содержание требует и новых художественных средств.

Хочется, чтобы наши художники смело, дерзновенно искали новые способы выражения своих мыслей, страстей, чувств. Но при этом следует помнить справедливое замечание Танеева: «Новые формы только тогда получают живучесть, а следовательно, и значение для искусства, когда они не изысканы насильственным путем, а вылились непосредственно из внутреннего чувства художника, одушевленные тем, что мы называем вдохновением».

Творческой смелости художника нужно помогать, поощряя развитие яркой индивидуальности. Это позволит каждому советскому композитору создавать произведения более самобытные, а следовательно, и более содержательные, ценные для народа.

Богатство содержания должно выражаться в яркости мелодических тем, свежести и колористическом своеобразии языка гармонии. Это непременные условия, так же как скупость художественных средств — непреложный закон всех видов искусства.

Монументальное симфоническое произведение, например, героического содержания, совершенно не обязательно должно быть громоподобным. Можно и не оглушать слушателей мощью медной группы инструментов, литаврами, барабанами, трубным гласом. Монументальность должна прежде всего заключаться в значительности содержания, в глубине мыслей, в эмоциональности, искренности.

К сожалению, в последние годы у нас появлялось в разных музыкальных жанрах немало серых, будничных, назойливо скучных произведений, несмотря, казалось бы, на «актуальность» их программ. Причина этого явления иной раз кроется в равнодушии композитора к взятой им теме. А это приводит к скороспелому и поверхностному решению творческой задачи. Тогда и актуальность программы не в силах преодолеть банальность художественного выражения и не может спасти произведение, лишенное черт таланта и мастерства, хотя оно, быть может, и написано бойким, развязным (но не вдохновенным) пером музыканта, элементарно владеющего композиторским ремеслом.

Если созданная художником картина находится на выставке или в музее и доступна обозрению посетителей, то композитор только в общении со слушателем может понять, насколько правдиво и выразительно его произведение. Хорошо оно или нет, должен судить слушатель.

Хочется обратить внимание на один существенный момент: монументальные произведения музыкального искусства исполняются почему-то очень редко. Эта практика глубоко порочна. Их следовало бы исполнять как можно чаще: они не всегда легки для восприятия; надо дать слушателям возможность разобраться, вдуматься. В этой связи нельзя не напомнить мудрые слова В. И. Ленина, хотя и сказанные по поводу литературы. Он писал:

«...Не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком».

Очень характерно, что слушатели жаждут знакомства с самой разной музыкой. Они пишут об этом в газеты, на радио, пишут взволнованно и требовательно. Люди не хотят, чтобы от них «прятали» музыку.

Советскую музыку нужно всячески популяризировать и пропагандировать. Надо дать ей возможность занять достойное место в концертных залах страны. Народ сам решит, нравится ли она ему или нет, пробуждает ли она в его душе те чувства, мысли и чаяния, которые волновали композитора. Наш слушатель будет судить строго, но искренне.

Даже спорные, дискуссионные музыкальные произведения — в том случае, если они отмечены печатью таланта, если идейный замысел их значителен,— должны быть знакомы массам слушателей, должны многократно исполняться в самых различных аудиториях. И тогда станет ясно, нужно ли такое произведение. Волнует ли оно или же только пополняет коллекцию художественно бедных, банально-серых произведений?

В последние годы между композитором и слушателем оказалось, к сожалению, слишком много посредствующих звеньев. Чиновники от музыки, став на административные позиции, руководствуясь зачастую своими личными, далеко не безошибочными вкусами, утверждали монополию избранных на право общения со слушателем.

Многое спросится и с критики. Нечего греха таить. Нередко случалось так, что отрицательное — пусть даже иной раз вовсе бездоказательное или ошибочное — высказывание критика, опубликованное в печати, служило окончательным приговором для того или иного музыкального произведения. Его снимали с репертуара и после одного раза переставали исполнять публично. Прослушать же его успели в Большом или Малом зале Консерватории лишь специалисты-музыканты да небольшой круг любителей музыкальных новинок. А широкие массы его так и не узнали. Но ведь суд народа необходим композитору, как воздух.

Мне кажется, надо добиться, чтобы критика из администрирующей стала анализирующей. Критика должна помогать композиторам и слушателям разбираться в положительных и отрицательных сторонах произведения. Для этого нужно сперва уяснить идею произведения, понять, для чего композитор написал его, а потом говорить о том, как оно написано, дружески помогая своими суждениями автору.

Критика бывает разная. Одна — добросовестная, доброжелательная, эрудированная; другая — конъюнктурная, поверхностная. Мне в таких случаях вспоминается статья Эмиля Золя «Жаба», посвященная критике. Он поясняет: бывает «...критик ничего не почувствовавший, ничего не понявший в произведении... Замысел автора до него не доходит, он обвиняет его в несуществующих преступлениях, приписывает ему пороки, созданные собственным воображением... Можно назвать десятки примеров, когда одного дурака оказалось достаточно, чтобы запачкать прекрасное и чистое произведение, и годы проходили, пока обнаруживалась запоздалая истина». Советский музыкальный критик-профессионал должен быть не только высокообразованным музыкантом, но, так же как и композитор, человеком с большой гражданской совестью.

Я говорил до сих пор о монументальных жанрах. Но многое из сказанного относится и ко всей музыке в целом. Большое значение в нашей многообразной советской музыкальной культуре имеют массовые жанры: песни, танцевальная и эстрадная музыка, хоры. Они получили особенно широкое распространение именно в советскую эпоху, когда необычайно выросла массовая художественная самодеятельность.

Массовость музыкального искусства — особенность нашей советской культуры. За сорок лет расцвела музыкальная жизнь всех народов, всех национальностей, населяющих Советский Союз. Национальные композиторы своей родной мелодикой обогащают всю нашу музыку в целом. Неоценим вклад в советскую культуру композиторов Украины, Армении, Эстонии, Грузии, Азербайджана, Белоруссии, Узбекистана — всех наших республик.

Умение услышать и глубоко почувствовать народные национальные интонации всегда было свойственно русской музыкальной школе.

Вслушиваться в народную музыку, черпать из этого чистого неиссякаемого родника обязательно должны и советские мастера. В этом залог их будущих удач, благодатный источник вдохновения.

Рабочая молодость

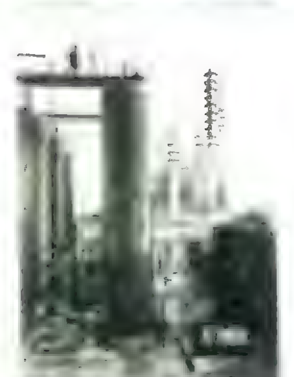

ФОТО И. ТУНКЕЛЯ.

В каждом городе есть своя главная магистраль. В Грозном она убегает от центра туда, где высятся башни крекингов и цилиндры нефтяных резервуаров, где у эстакад сменяют друг друга вереницы цистерн, а на холме качалки сосут н сосут из земли черную влагу — нефть. На этом направлении — дела, заботы и помыслы рабочих людей Грозного. По этой дороге шагает и молодежь: начинать свою рабочую вахту.

Среди молодых промысловиков и переработчиков Грозного возник важный для народа почин: «Устранить потери нефти и нефтепродуктов!» Равнодушный глаз мог скользнуть по «вспотевшему» шву цистерны, не заметить струйку, сочащуюся из пробитого сальника... Но если смотреть на дело по-государственному? Капля за каплей в землю уходят за год тонны ценнейших, необходнмых стране продуктов: автомобильного бензина, масла, мазута. Так родился молодежный поход нефтяников за бережливость, который нашел отклнк во всей стране. В середине апреля по инициативе ЦК ВЛКСМ в Грозный съедется молодежь из нефтяных районов всего Союза: перенимать опыт, делиться своими успехами.

Как же идет жизнь у зачинателей инициативы, молодых рабочих Грозного?

Пожилой человек идет по заводскому двору, и при встрече с ним молодые почтительно снимают шапки. Андрей Степанович Логвиненко посмеивается:

— Это они бороде кланяются!

Правильнее было бы сказать — не бороде, а рукам, которые успели многое сделать с 1900 по 1956 год, год ухода на пенсию. С гордостью глядят на Андрея Степановича его бывшие подчиненные: их путь ведет туда же, к настоящей рабочей славе!

В девятом цехе Новогрозненского нефтеперерабатывающего завода у токарного станка — два друга.

Алексей Онищенко в прошлом году получил одновременно аттестат зрелости и звание токаря четвертого разряда. Школьником он проходил производственное обучение в этом цехе и, окончив десятый класс, без колебаний подал заявление в отдел кадров «своего» завода. Алексей убежден во всемогуществе токарного станка («Все можно сделать на нем!») и в талантливости своего учителя — молодого токаря Ивана Рожкова.

Огонек, зароненный Рожковым, от Алексея перекинулся к его другу восьмикласснику Володе Демурову. Володя внимательно слушает объяснения товарища. Он уже многое умеет — может даже нарезать резьбу. Пройдет два года — и Володя будет достоин чести вступить в рабочую семью.

— Что ж, глядите, проверяйте,— говорит Валя Оцупок, оператор комсомольско-молодежного парка хранения нефтепродуктов. В душе она торжествует: рейду «легкой кавалерии», борющейся с потерями, не удастся проявить свой общественный пыл на ее участке: рабочие этого парка строже любой рейдовой бригады. Каждый день они зорко, придирчиво осматривают свое хозяйство.

В городе нарушители порядка стали явлением нечастым. В этом большая заслуга комсомольских штабов, созданных при райкомах комсомола. Не очень-то приятно услышать суровые слова от своих же ребят с мясокомбината или с «Красного молота», да потом еще увидеть свою фотографию в «БОКСе» — боевом органе комсомольской сатиры — на центральной площади города.

Работа идет и ночью. Состав налит. Скоро подойдет паровоз, и вереница цистерн уйдет по дорогам страны.

Вечер — время учебы и отдыха. Кто свободен от занятий, спешит развлечься. В городе есть кино, театр, филармония, несколько домов культуры. Правда, рабочие клубы не балуют большим разнообразием развлечений, но кто из молодых откажется от танцев? Еще каких-нибудь пятнадцать — двадцать минут — Альпида Дехтириди и Валя Жукова вступят в круг танцующих. Перед зеркалом идут последние приготовления.

М. ГРИНЕВА

Среди молодых рабочих Грозного растут и государственные деятели. Оператор первого нефтепромысла «Октябрьнефти» двадцатилетняя Зинаида Федоровна Осколкова только что избрана депутатом городского Совета.

Звенья будущей дороги.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ

Сабит МУКАНОВ

Фото П. Бословяна.

Если бы лет сорок назад комунибудь из моих земляков сказать, что летнее пастбище — джайляу — Дос услышит паровозный гудок, он бы ни за что не поверил. Все знают: железная дорога прокладывается не где попало. Ее строят для того, чтобы соединить большие города, связать крупные промышленные районы. А вокруг Доса никогда ничего значительного не было, и до последнего времени никакого строительства не предвиделось. Так продолжалось до весны 1954 года, знаменательной тем, что тогда было принято постановление об освоении целинных земель. Постановление это круто повернуло судьбу моих родных мест...

На землях джайляу организовались новые совхозы, а ближайшая железнодорожная станция находилась в 250 километрах от Доса.

Можно, конечно, перебрасывать стройматериалы, семенной фонд, горючее и прочие необходимые вещи на машинах. Так оно и было, когда совхозы только-только появились.

Но вставал вопрос: как справиться с вывозкой будущих урожаев, имея только автомобильный транспорт? Ведь ни у кого не было сомнений, что урожаи на целине окажутся богатыми.

Люди вздыхали:

— Эх, сюда бы железную дорогу протянуть! Тогда вывози, сколько ни уродится...

И вот осенью 1956 года я приехал в город Курган, чтобы отсюда начать путешествие по новой железной дороге в Пески — поселок на левом берегу реки Ишим.

Курган — Пески... Много километров сверкающих стальных полос связали эти два пункта, пробежав по землям, от века лежавшим нетронутыми, а ныне поднятым к новой жизни. Курган — Пески... Где-то в этих пределах был затерян мой родной аул Жаманшубар.

Впервые я услышал слово «Курган» еще малышом. Помнится, было так.

Поздней осенью, устроив домашнее хозяйство на зиму, коекто из джигитов нашего аула начал собираться в путь-дорогу. Это были самые отборные джигиты, сильные, ловкие, смелые. И среди них — мой троюродный брат Хамза Мустафин, высокий, красивый молодой человек.

Сборы эти разжигали наше ребячье любопытство. На вопрос, куда они едут, джигиты отвечали коротко:

— В Курган.

— А что такое Курган? — спрашивали мы.

— Это город.

— А где он?

— Далеко. Отсюда не видно. На лошади семь дней ехать.

— А что вы там будете делать? — не унимались ребятишки.

— Что, что! Конечно, не губернаторами сделаемся. Руками, горбами своими работать будем.

— Откуда знаете, что всем работа найдется?

— Э, брат, Курган не Жаманшубар! У нас в ауле только один богач, а там их много, не пересчитаешь. Есть такие — по сотне джигитов нанимают...

В нашем неграмотном ауле почты не имелось, о джигитах, ушедших на заработки в Курган, мы ничего не знали до весны, пока не возвращались они сами. Встречали джигитов радостно, как людей, счастливо избежавших смертельной опасности.

— Что же вы там делали? — спрашивали у них.

— Носили грузы.

— И богатые выручки были?

— На харчи хватало. Приоделись вот да мало-мало с собой привезли.

Из рассказов джигитов Курган вставал сказочным городом...

Но это было заочное знакомство с Курганом, а своими глазами я его увидел в 1925 году, уже после того, как поездил по стране, побывал в больших городах. Поэтому, вспоминая давние восторги своих земляков, я ходил по улицам Кургана и на каждом углу разочаровывался. В самом деле, чем тут восхищаться? Маленький городишко, километр в ширину, полтора в длину, каменных домов раз, два — и обчелся, на улицах — ни веточки зеленой, мостовых нет, прохожие тонут в грязи. Промышленность имелась, если считать промышленными предприятиями мыловарни, мельницы, дубильни и лесопилки.

В те годы Курган был районным центром. В городе издавалась районная газета. Редактор этой газеты — имени его уже не помню — долго возил меня на тарантасе по грязным улицам, а потом, взяв направление на запад, мы поехали к реке Тобол. Здесь мы поднялись на вершину высокого кургана. Редактор ударился в историю.

— Видите ли, предполагается, что в этом кургане захоронены воины, павшие в сражении между войсками татарского хана Кучума и дружиной Ермака. Небезынтересно, что слово «курган» по-тюркски означает «укрепление». Несколько веков назад здесь был основан русский городок.

Редактор передохнул, окинув взором окрестности, и продолжал:

— До революции Курган был оплотом русского купечества, через который оно держало связь с казахской степью. Городок был заштатный, таким он и остался. Если сравнить с ростом соседних индустриальных центров, таких, как Челябинск или Свердловск, то Курган не движется вперед. И, судя по всему, ждать какого-либо прогресса нет оснований...

В том, что сей редактор был плохим пророком, я убедился осенью 1956 года, когда второй раз приехал в Курган.

Михаил Андреевич Перлыгин, председатель городского Совета, с удовольствием рассказывал мне о росте Кургана.

ЦЕЛИНУ

— Вы представляете себе: численность населения в пять раз больше, чем в 1925 году! А городской бюджет вырос за то же время в двадцать пять раз!

Он приводил и другие цифры, но и без них все было ясно, стоило лишь пройтись по улицам. Высокие трубы заводов стоят, как стражи. На центральных улицах выросли многоэтажные здания, асфальтом выстланы тротуары и мостовые.

Но Курган интересовал меня в основном как отправной пункт путешествия по новой железной дороге, и я попросил Михаила Андреевича познакомить меня с человеком, который знает ее историю.

— Челочев — вот кто вам нужен!— воскликнул Михаил Андреевич.— Он же начальник дороги Курган — Пески, знает ее от «а» до «я».

Прокофий Иванович Челочев оказался высоким, сухощавым человеком средних лет с голубыми улыбающимися глазами. Он приветлив и доброжелателен. На мою просьбу рассказать о себе чуть заметно усмехнулся и пожал плечами.

— Что же тут рассказывать? Строим!

Но в конце концов он разговорился; правда, о своей личной биографии он не распространялся: ничего, мол, особенного. Родился в 1911 году на Могилевщине. Отец батрачил, ну и он, Прошка, должен был поддержать семейную «традицию». Но революция повернула дело по-иному. В 1932 году окончил рабфак, пошел служить в армию, был сначала рядовым, потом стал командиром, а в 1937 году поступил в военно-транспортную академию, по окончании ее получил диплом инженера и с тех пор строит железные дороги.

— Как-то на досуге пробовал я подсчитать, сколько путей уложено не без моего, так сказать, участия. Интересная вещь получилась. — Прокофий Иванович улыбается своей мягкой улыбкой.— В общем и целом, на один день работы приходится один километр полотна.

Ему, Челочеву, приходилось и разрушать дороги — во время войны, когда необходимость заставляла людей с болью в сердце поднимать на воздух то, что было сделано собственными руками. И может быть, именно потому так жарко разгорелся в строителях после войны огонь созидания: люди работают словно по двойному счету.

Между прочим, одной из последних строек, в которой участвовал Челочев, была дорога Усть-Каменогорск — Зыряновск.

— Там всего сто семьдесят пять километров, но пришлось потруднее, чем здесь: горы на пути, реки большие.

Но позже я узнал, что и здесь, на строительстве дороги Курган — Пески, было нелегко. Зима 1954—1955 года стояла особенно суровая. Земля промерзла местами до двух метров в глубину, землеройные машины оказались бессильными перед ледяным панцирем. Пришлось прибегнуть к долбежным операциям, а это намного затрудняло и тормозило прокладку трассы. И к тому же зима выдалась снежная, буранная. Механизмы буквально тонули в сугробах.

Но строители сумели победить все трудности. И, может быть, главной причиной явилось тут сознание, что дорога жизненно необходима хлеборобам. Строители не просто прокладывали новый путь — они сознавали себя участниками решения большой народнохозяйственной задачи.

Дорога тянулась в район освоения целинных земель, на джайляу Дос. Вот почему торопились строители.

— Так или иначе,— сказал Челочев,— а теперь можно попасть из Кургана в Пески по рельсам. Но начинать путешествие на поезде я вам не советую: сейчас дорога забита товарными эшелонами. Лучше сделать так: доедете на «газике» до станции Сумки, а там можете пересесть на дрезину. Выйдет быстрее. И, кстати, поездка на «газике» по здешним дорогам даст вам представление, сколько лиха связано с автоперевозками...

Переехав по мосту через Тобол, мы углубились в густой лес. Челочев оказался прав: вскоре грунтовая дорога, разбитая многими сотнями машин, размытая дождями, превратилась в сплошное месиво.

Встречные машины подолгу буксовали на месте, то и дело застревали в глубоких рытвинах, брали друг друга на буксир, так что передвижение шло черепашьим шагом.

Расстояние до станции Сумки, которое по нормальной дороге можно покрыть за час, мы преодолевали пять с половиной часов.

— На тракторе быстрее доползешь! — ворчал шофер.

Была уже ночь, когда в Сумках мы сели на дрезину и покатили по железной дороге. Хотя дрезина на быстром ходу очень ощутимо тряслась, но после езды на «газике» мы чувствовали себя людьми, пересевшими с норовистой на спокойную лошадь.

Небо очистилось от туч. Проглянули звезды, словно далекие маяки в темном море. А вскоре появилась и луна, облила своим светом дремлющий лес, высеребрила круглые зеркала озер, разбросанных по обеим сторонам дороги.

Мы приближались к станции Половинное, и в памяти моей вставали полузабытые дни далекого 1925 года, когда впервые довелось побывать в этих местах. Половинное было тогда большой деревней, которую казахи называли по-своему: «Ак сыйыр», что значит «Белая корова». На мой вопрос, откуда произошло такое название, один житель деревни, русский старик, приютивший меня на ночь в своей избе, прекрасно знавший нравы и обычаи казахов и бегло говоривший по-казахски, объяснил:

— Известное дело, как царская власть действовала: разделяй и властвуй... Мы здесь деревню русскую поставили, а кругом казахи. Нас, русских, казахами стращали, а казахов — нами.

Все это было действительно так, как говорил старик, но не объясняло происхождения «Белой коровы». Когда я высказал эту мысль, старик хитро улыбнулся: мол, ничего ты не понимаешь.

— Нет, мил человек, как раз отсюда и пошло прозвище. Наши мужики считали так, что с казахом на темной дорожке лучше не встречаться. И еще кто-то байку пустил, будто все казахи обязательно в белых одеждах ходят. Вот как-то ночью один наш увидел: идет по улице что-то белое. Поднял крик: «Ратуйте, люди добрые, казахи пришли!» Всю деревню переполошил. А когда разобрались, в чем дело, оказалось, чья-то белая корова заблудилась в темноте. Казахи прослышали про эту смешную историю и в шутку окрестили нашу деревню «Ак сыйыр»...

Да, давно это было, а все еще помнится...

Дрезина стала постепенно притормаживать, и вот мы уже медленно въехали в пределы какого-то города. Огни, огни, огни — все залито светом электрических лампочек.

— Что за город? — спросил я у попутчиков.

— Деревня и станция Половинное,— был ответ.

Вот тебе и «Белая корова»!..

На следующий день Александр Николаевич Титов, начальник одного из строительных участков дороги, знакомил нас со своим «хозяйством» и рассказывал о делах не так давно минувших дней. Он говорил и о трудностях, с которыми столкнулись строители, но очень кратко, как бы нехотя. Зато когда зашла речь о людях, Александр Николаевич загорелся:

— Вы знаете, тут же все руками молодежи делалось. Из трех тысяч строителей дороги две тысячи восемьсот человек — комсомольцы, молодежь!

Титов называет несколько имен: Владимир Одинцов из Владимирской области, первоклассный скреперист, скромный, малоразговорчивый, из него слово труднее вытянуть, чем дерево выкорчевать. В работе — огонь. Василий Лощенко из Раменского района, Московской области, от Одинцова не отстает. Гасана Абулсаматова из Азербайджана тоже ставят в пример товарищам, к тому же он первый плясун в бригаде.

Новые дома на станции Троебратное.

Чувствуется, что Титов может рассказывать о каждом, кого он упоминает, долго и горячо, но тогда пришлось бы писать не один, а несколько очерков о дороге Курган — Пески.

Между тем мы уже на станции Борок. Здесь смыкаются земли Курганской области и Казахстана. Дальше пойдут мои родные места. Через Троебратное — станцию на бывших кочевьях аула Нурумбет,— через Кара-Камыс и Кайран-Куль дорога идет мимо моего родного озера Дос, выходит на берега озера Алыпкаш и бежит между озерами Сулы и Султан к Пескам на берегу реки Ишим.

Каждый холм, каждая балочка, каждое озеро были мне здесь с детства знакомы.

Нет, как бы ни меняла земля свой облик, человек всегда узнает места, где родился и вырос. И хотя на джайляу Дос изменениям не было конца, я все же узнавал те просторы, по которым когда-то кочевали мои предки, узнавал и радовался, потому что от старой жизни не осталось и следа. Совхозы, вставшие на целине, преобразили край. Железная дорога, как мощная артерия, подняла тон жизни.

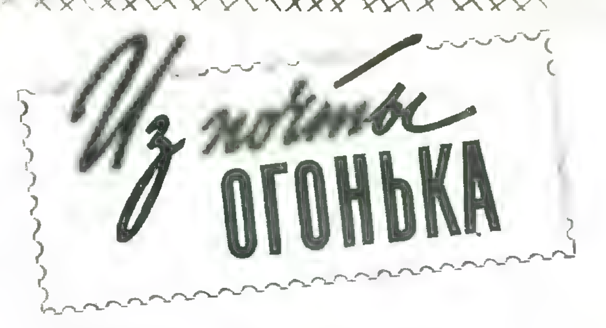
Дорога есть! Ей иногда бывает трудно: она проходит по взметанной целине пока единственной, одинокой веточкой. Однако в скором времени она соединится на западе с Кустанаем, на востоке — с Кокчетавом, на юге — с Атбасаром. Тогда зерно будет идти по четырем артериям.

Многие казахские земли в близком будущем огласятся гудком паровоза, потому что они уже подняты к новой жизни.

Перевод с казахского.

Погрузка зерна на станции Кара-Камыс.

Бусы партизанки

В одной из деревень Смоленской области участникам археологической экспедиции Академии наук СССР были вручены уникальные бусы. Они сделаны из 150 кусочков пластмассовой изоляции проводов красного, синего и желтого цветов. Высота каждого кусочка — не более сантиметра, а диаметр — около 3 миллиметров.

Как выяснилось, бусы эти сделаны зимой 1942 года бойцом одного из партизанских отрядов Смоленской области, семнадцатилетней комсомолкой Марусей Лосевой. Она участвовала во многих боевых операциях, ее любили и уважали за бесстрашие и жизнерадостность. Бусы она делала в часы отдыха, когда возвращалась в лагерь после боевых заданий.

Однажды ей поручили доставить в деревни соседнего района свежий номер газеты «Правда».

В пути Марусю задержали фашисты. При обыске у нее обнаружили «Правду». Это привело в ярость гитлеровцев. Девушку пытали, а на следующий день расстреляли. Жители деревни тайком похоронили Марусю. Они узнали, где жила мать Маруси, и передали ей вещи дочери. Среди них были и бусы. Около 15 лет хранились они среди семейных реликвий колхозницы В. Н. Лосевой, матери партизанки.

Узнав, что участники нашей экспедиции интересуются изделиями местных мастеров, колхозница принесла нам бусы юной партизанки, и мы решили передать их в областной краеведческий музей.

А. БОБРИНСКИЙ

Полифон

Радиоконструкторы стремятся использовать в приемниках, телевизорах и радиолах сразу несколько громкоговорителей. К этому они вынуждены прибегать для того, чтобы улучшить качество воспроизведения звука. К сожалению, такая модернизация вызывает и осложнения: увеличиваются размеры и вес радиоаппаратов, повышается их стоимость.

По-иному разрешена конструкция нового громкоговорителя, названного полифоном. В нем четыре диффузора, каждый из которых исполняет свою индивидуальную «партию». Квартет, образованный несколькими диффузорами, и обеспечивает многоголосное звучание.

В новом громкоговорителе нет магнита и катушки. Они заменены одним пьезоэлектрическим кристаллом сегнетовой соли. Пластинка кристалла одета в броню из целлулоида, поэтому она вполне защищена от механических повреждений и влияния влаги.

К двум концам пластинки симметрично прикреплены четыре бумажных диффузора. Два из них имеют круглую форму, два других — эллиптическую. Размеры их также различные. Такая комбинация диффузоров-излучателей и компенсирует замену нескольких громкоговорителей.

Другая важная черта нового пьезоэлектрического громкоговорителя — небольшой вес, относительно малые размеры и малое потребление энергии.

Создал эту оригинальную конструкцию громкоговорителя изобретатель А. Г. Пресняков. Он рассказывает:

— В последние годы в нашей стране получена так называемая поляризованная керамика из титанита бария. Из нее можно приготовить чудесные пластинки обладающие пьезоэлектрическим эффектом. В отличие от сегнетовой соли титанит бария не боится больших механических нагрузок и действия влаги. Новые пластинки выгодно применять для громкоговорителя типа полифон. Это будут малогабаритные аппараты, обладающие большой силой и красотой звучания. Новые громкоговорители можно будет применить и в полупроводниковых радиоприемниках, так как для своей работы они расходуют мало энергии.

И. КАПУСТИН,
доктор технических наук, профессор.

Громкоговоритель - полифон.
Фото И. Синицина.

Чьи гнезда?

С первого взгляда кажется, что на фотографии гнездо какой-то крупной птицы. Однако это «работа» не птицы, а гималайского медведя, обитателя дальневосточной тайги.

Гималайский медведь несколько меньше бурого, покрыт черной шерстью. Питается он почти исключительно растительной пищей: ягодами, плодами диких фруктовых деревьев, маньчжурскими и кедровыми орехами. Этот медведь очень хорошо лазает по деревьям, в дуплах устраивает на зиму берлогу.

Осенью в уссурийской тайге созревают ягоды черемухи Маака — любимый корм гималайского медведя. Черемуха Маака — большое, крепкое дерево Даже его вершина выдерживает вес 7—8-пудового медведя. Доставая ягоды, медведь заламывает верхушечные ветки и, обобрав плоды, подминает их под себя. Так появляются «гнезда».

Снимок сделан в долине реки Сучана, в Приморском крае.

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук.

Скульптура Суворова в румынском музее

В Румынии, в окрестностях курортного города Синая, есть музей — замок Пелеш.

У входа в зал со средневековым оружием находится скульптура Суворова высотой около 60—70 сантиметров. Великий полководец стоит на скале и зовет своих верных солдат за собой. Голова гордо закинута, взгляд устремлен вдаль, рука властно показывает вперед.

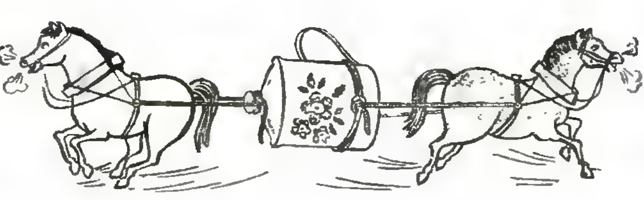
Это дар автора скульптуры, члена Российского императорского общества военной истории, художника-скульптора Б. В. Эдварда из Одессы.

Скульптура попала в Румынию, видимо, в конце прошлого или начале XX века.

Т. ВОРОНЦОВА

Бухарест.

Правдивая выставка

Хотя в этой кружке много воздуха, но отделить ее от крышки так же трудно, как и магдебургские полушария.
(Из карикатур на выставке).

В Пекине была организована Выставка товаров широкого потребления. Среди более 4 400 видов промышленной продукции, представленных на выставке, экспонировалось много новинок, производство которых освоено совсем недавно. Таковы, например, водогерметичные часы на 17 камнях с тремя стрелками, фотоаппараты, многие антибиотики, рентгеновские аппараты, скрипки.

Интересно, что наряду с хорошими товарами на выставке были представлены также и товары низкого качества, бракованная продукция.

Эти экспонаты оформлены сатирическими подписями, шаржами и карикатурами.

ЛУ ГУН

Рыбацкая удача

Река Алдан богата рыбой, особенно тайменем, который большей частью ловится вблизи перекатов. Перед самым ледоставом любитель-рыболов П. М. Федореев, работающий в почтовом отделении села Крест-Хальджай, Якутской АССР, поймал тайменя весом около 30 килограммов.

Такому рыбацкому счастью можно только позавидовать.

А. ШЕМЕНЕВ

с. Хандыга,
Якутской АССР

НА СВЕЖИЙ ВОЗДУХ...
Рис. В. Короткова (Ленинград).

Даргинские пословицы и поговорки

Слаще всех плодов — плод честного труда.

Обтесанный камень не останется на дороге.

И черный день, проведенный со своим народом, есть праздник.

Секрет свой не говори другу: и у него есть друг.

На огне сухого дерева будет гореть и сырое.

Пока в саду были абрикосы, непрерывно слышался «сэлам алейкум»; кончились абрикосы — кончился и «сэлам алейкум»!

Гордись не красотой, а работой.

Если для матери сделаешь яичницу даже на своей ладони, и тогда у нее будешь в долгу.

От большой головы пользы не будет, если внутри ее мозг не кипит

Плешивый скрывает свой недостаток до тех пор, пока шапка с головы не упадет.

Если у тебя есть друг, навещай его почаще, чтобы ведущая к его сакле тропа не заросла травой.

Перевела Фатима АБАКАРОВА,
кандидат филологических наук

О. Г. Верейский. КАНТОН

О. Г. Верейский. АРТИСТ МА ШИ-ЦЗЭНЬ В СПЕКТАКЛЕ «ОБЫСК В ШКОЛЕ».

О Москве и москвичах

Водитель трамвая И. ИВАНОВ

Водители других видов транспорта — такси, автобусов и даже троллейбусов — относятся к нам, водителям трамвая, снисходительно. Дескать, почтенная, но отживающая свой век профессия. А напрасно. Тридцать один процент всех московских пассажиров перевез в прошлом году трамвай. Эту цифру я привел потому, что авторы фильма «О Москве и москвичах», который мне очень понравился, тоже незаслуженно нас обошли. Все больше интересовались реактивной авиацией. Впрочем, мы, конечно, напрасно обижаемся: в короткий фильм невозможно вместить все интересное, что есть в нашем великом городе.

А город наш в самом деле великий. Но мы настолько свыклись с этой мыслью, что порой забываем об этом. А вот посмотрел картину — и ясно это почувствовал. Грандиозна наша Москва и молода. Моложе всех городов в мире, хотя ей н более восьмисот лет от роду.

Эта молодость Москвы в фильме очень хорошо показана: простор, свежесть веселых, шумных улиц. В фильме много улыбаются, смеются — дети. взрослые, старики: всем весело. Да это и правильно. И сам я из своей водительской будки замечаю: веселее стал народ, вежливей, предупредительней как-то. Поговорите с ребятами из нашего Артамоновского депо. Каждый так скажет...

Очень понравилось мне в картине, что авторы не старались показать зрителю только сверхударников или изобретателей, а снимали самых обыкновенных, рядовых москвичей: электромонтеров, токарей, парикмахеров, домашних хозяек. Правда, парикмахер в фильме не совсем обыкновенный: она к тому же еще и парашютистка. Но в этом ничего особенного, пожалуй, и нет. Вот у меня дочка, например, обыкновенная дочка Аллочка, десяти лет, в третий класс ходит, а вдобавок еще в балетной студии занимается, изучает классические танцы. Не хочу, конечно, сказать, что из нее обязательно выйдет Галина Уланова, но все-таки...

Детей в фильме, кстати, очень много, и это, по-моему, тоже хорошо. Правда, в кинохронике у нас часто показывают детей, но почему-то обязательно в детском саду. Как будто если ребенок не в детском саду, то вообще никакого внимания он не заслуживает. А здесь дети в самой различной обстановке: на бульваре, дома, во дворах — всюду. И всегда на них приятно смотреть, на нашу замечательную детвору. Хорошо в фильме показаны и стройки нашего города. Новые, молодые, чистые дома, целые кварталы и районы, выросшие на окраинах Москвы за последние годы и беспрерывно растущие сейчас.

Кстати, благодаря строителям нас, трамвайщиков, не удается окончательно вытеснить за город. Только трамвайная линия окажется в чистом поле, ну совсем, казалось бы, деревня,— не тут-то было!.. Смотришь: через месяц — другой появились вокруг новые жилые корпуса — и опять вокруг шумит Москва.

Фильм «О Москве и москвичах» [illegible] производства Цент[illegible]льной орде[illegible] [illegible]зного Знамени ст[illegible]ии до[illegible]та[illegible]ных филь[illegible]в. Автор [illegible] р[illegible] — А. Ад[illegible]оей. Реж[illegible] Р. Григорьев и И. Пос[illegible]льский Д[illegible]рский [illegible] Е. Кригера. Операторы Б. Н[illegible]ылицкий, Д. Кас[illegible]ш[illegible], Р. Халушак[illegible] [illegible] Медынский. Композитор А. [illegible]ин. Текст пе[illegible] [illegible]Е. [illegible]атов[illegible]го.

М[illegible]а..

Москвич[illegible]а Надя [illegible]ютова

Он[illegible] тоже москвичи..

С. БОРЗЕНКО

Этот фильм, поставленный киностудией «Дефа» в Берлине,— сжатая до предела историческая хроника событий, определивших судьбы Германии с 1896 года до нашего времени. Над ее созданием трудились три поколения кинооператоров — очевидцев событий.

В фильм вмонтированы редкие кинодокументы, сделанные на заре кинематографии и представляющие большую ценность. К ним следует отнести кадры, в которых заснят Фридрих Энгельс в Берлине, в зале «Конкордия» в 1893 году.

— Я не был в Германии 16 лет... И вот теперь, во время моей поездки, я мог убедиться, как грандиозен переворот, наступивший в экономических условиях Германии. Одно поколение тому назад Германия была сельскохозяйственной страной с двумя третями сельского населения; теперь это промышленная страна первого ранга...— говорит Энгельс перед переполненным зрительным залом.

На экране крупным планом мелькают портреты хищников германского империализма. Вот Берта Крупп, владеющая 187 миллионами марок. Что это такое? Это рудники, отнятые в Лотарингии у французов в 1870—1871 годах, угольные шахты в Рурской области, металлургические и машиностроительные заводы, фабрики и заводы в Эссене, где на угле из шахт Круппа, из стали металлургических заводов Круппа, на машинах Круппа делались пушки Круппа.

Похороны миллионера Фридриха Альфреда Круппа, и первым за его гробом марширует кайзер Вильгельм фон Гогенцоллерн.

Кадры из частного фильма фирмы Крупп: монтаж орудийных стволов, частный полигон Круппа, покупатели его продукции, военные атташе всех стран мира.

Кайзер дает клятву: никогда не стремиться к мировому господству. За этими лживыми словами следуют кадры: парады войск, спуск на воду новых линкоров.

Немецкие дети с азбукой, на которой изображены улан, пехота, кавалерия, порох. Одурманивание народа верноподданническими идеями. Запоминающиеся кадры, заснятые в траншеях первой мировой войны. Выступление и арест Карла Либкнехта, циничное заявление Гинденбурга: «На меня война действует, как целебная ванна».

Разворачиваются кадры, снятые русскими кинематографистами. Революция в России. Выступление Ленина, и первое его слово после победы социалистической революции: мир! Первые декреты Советской власти — декреты о земле и мире. Потрясающие картины братания русских и немецких солдат на фронте.

Мы видим, как Тельман, рабочий-транспортник, вырастает в признанного вождя немецкого рабочего класса.

На пути к новой войне уничтожаются последние демократические права. Появляется Гитлер. В Лиге Наций от имени Советского Союза Литвинов предупреждает об опасности войны и предлагает систему коллективной безопасности. Второй раз за 25 лет германский империализм покушается на мировое господство. Второй раз по странам Европы несется крик ужаса. Миллионы, которые Крупп вложил в Гитлера, возвращаются к нему в тысячекратном размере.

Мы видим уже знакомые нам по другим фильмам лагеря уничтожения: более десяти миллионов человек из всех стран Европы были загублены в газовых камерах, замучены и расстреляны фашистами. Как грозное предупреждение об опасности третьей мировой войны на экране возникает гитлеровский генерал Ганс Шпейдель — ныне главнокомандующий сухопутными войсками Атлантического блока в Европе. Диктор сообщает: «Этот человек разработал для Гитлера тактику сожженной земли».

Советская Армия переходит в наступление. Разгром фашистов под Сталинградом. Немецкие антифашисты ведут подпольную борьбу против палачей Германии. В каторжной тюрьме Зонненберг расстреляны в последний час лучшие сыны рабочего класса народов Европы, и среди них герои немецкого сопротивления. Эти кадры фильма — первый поистине поэтический документ о немецком движении сопротивления, о котором человечество еще так мало знает.

Война вернулась туда, откуда пришла,— советские войска добили гитлеровцев в Берлине. Как освободители вошли они в Германию, где их ждал немецкий народ, измученный фашизмом. Спасены и несколько тысяч коммунистов, освобожденных из лагерей, прибывших из эмиграции, ускользнувших из сетей гестапо. Сразу же принялись они за строительство Германской Демократической Республики.

Листья падают

Г. ГРИШИН, А. НОРМЕТ

Встреча в лесу

...Спустившись по лестничке вниз, Янсен аккуратно закрыл за собой люк, стряхнул комочки сырой земли, упавшие на лицо, и заморгал глазами, стараясь привыкнуть к темноте. В ноздри ударил знакомый запах человеческого пота, сырости и съестного. Этот запах настолько въелся в одежду обитателей бункера, что последнее время они не решались появляться среди людей. Только изредка, с величайшими предосторожностями они по очереди приходили на хутор Янсена и мылись в его баньке.

При слабом свете фитилька, плавающего в тарелке с отбитым краем, наполненной маслом, объездчик разглядел наконец, что на нарах, укрывшись с головой драным шерстяным одеялом, лежит человек, а двое других сидят рядом и играют в карты. Янсен кашлянул. Лежавший сел на нарах и произнес только одно слово:

— Ну?

— Он согласен встретиться с вами, господин Саалисте,— выдохнул Янсен.

Янсен добавил, что Этс выдвинул свои условия: никаких провожатых, вооружение — только пистолет.

— Осторожный, видно, с опытом,— буркнул Саалисте.— Ну что ж, с таким легче будет работать.

Через два дня ровно в шесть часов вечера, как было договорено, Саалисте вышел к маленькой лесной полянке, окруженной со всех сторон густым ельником. Одновременно на противоположной стороне полянки появился среднего роста худощавый человек с темно-каштановыми волосами, подстриженными явно не рукой парикмахера. На нем был коричневый шерстяной свитер, заштопанный в нескольких местах где белыми, где черными нитками, куртка из грубого брезента. Из того же брезента были брюки, заправленные в сапоги Под курткой на левой стороне живота угадывалась кобура пистолета. Этс шел навстречу Саалисте уверенно, но остановился приблизительно шагах в четырех от него. «Осторожный»,— снова с одобрением подумал Саалисте.

Несколько секунд оба молчали, внимательно ощупывая друг друга взглядами, потом Саалисте произнес пароль, обусловленный через Янсена:

— Не встречали здесь кабаньих следов?

Этс медленно ответил:

— Кабаны все попрятались, остались козы.

После этого оба приблизились друг к другу и сели на полусгнивший ствол поваленного дерева. Саалисте вытащил из кармана две сигареты, Этс достал кожаный кисет.

— Сигареты не куришь? — спросил Саалисте.

— Ты что, первый день в лесу? — обрезал Этс.

«Не доверяет»,— усмехнулся про себя Саалисте.

Разговор продолжался более двух часов. За это время Саалисте рассказал новому знакомому, что он был заключен коммунистами в тюрьму, бежал оттуда и теперь скрывается с тремя верными людьми в лесах, что жить становится все труднее, нет продуктов, а скоро зима. Четыре человека — очень маленькая сила; поэтому, узнав от Янсена, что в этом районе действует Этс со своими людьми, группа Саалисте решила познакомиться с ними.

От своего собеседника Саалисте узнал, что Этс и его люди — бывшие уголовники. Действовали они в другом районе, но туда прибыла новая воинская часть — пришлось перебазироваться.

После этого Саалисте осторожно перешел ко второй части разговора. Он сказал, что для обеих групп было бы полезно объединение, и не только с тем, чтобы обеспечить зимовку. Шпион намекнул, что у него есть знакомый человек «оттуда» — при этих словах Саалисте указал рукой на запад. Человек этот сообщил: скоро американцы начнут бить коммунистов. К тому времени понадобятся кое-какие силы в тылу у красных. Американцы за это отблагодарят. О том, что он прибыл из Швеции, Саалисте не сказал ни слова.

Этс слушал внимательно, не перебивая и почти не задавая вопросов, только изредка уважительно кивая головой.

Покончили на том, что к зиме обе группы объединятся и для этого построят новый бункер (о местонахождении своего убежища Саалисте умолчал). Строить новый бункер должны были четыре человека — по два от каждой группы. Рассчитали, что работа займет недели две, то есть весь остаток сентября и начало октября. Договорились в этот период времени никаких акций не предпринимать.

Прощаясь, Этс попросил у Саалисте сигарету, а тот свернул цигарку из табака Этса. Доверие было установлено.

Наступил октябрь. Бункер был готов. Четыре человека строили его пятнадцать дней. Строили по ночам, издалека носили поваленные деревья, за несколько километров оттаскивали в мешках выкопанную землю и ссыпали в небольшое, заросшее густой травой озеро. Спали все четверо во временном шалаше вповалку. За эти две недели каждый по одному разу, как было условлено, сходил к своему командиру доложить о ходе работы и прислать вместо себя свежего человека.

Саалисте безвыходно сидел в своей норе, разрабатывая план дальнейших действий объединенной банды.

Все эти дни у него было прекрасное настроение. В ближайшее время он рассчитывал уйти отсюда, перебраться в Швецию, чтобы доложить центру о делах. А дела шли неплохо. Во-первых, прикончили тех двоих: колхозного руководителя и депутата Совета. Далось это не без труда. Долго охотились. Зато сработали чисто. Может быть, переборщили немного: отрезали носы, уши, глаза повыкалывали. В общем, насладились. Документы все здесь, в бункере. Правда, немного попорчены кровью, но для отчета шведам это даже хорошо. Двумя коммунистами стало на свете меньше. Во-вторых, в активе несколько грабежей. В-третьих, сведения военного характера. Ну, и, наконец, завербована группа из пяти человек. Нет, недурно! Очень и очень недурно!

Развалившись на нарах, Саалисте вынул маленькое металлическое зеркало.

— Ну что ж, лейтенант Саалисте,—улыбнулся он своему отражению, — вы непременно получите хороший куш и от шведов и от американцев. Ведь ваш шеф Аркадий Вальдин очень тонко работает на обоих хозяев... У американцев бумажник потолще. Хо-хо! Вы помните, мой друг, инструктаж, который вам давали капитан Курт Андреасон и тот американец в штатском на квартире у Вальдина? Весь разговор вел американец, а швед только поддакивал. Вот и делайте выводы... Стоп! — Саалисте грозит пальцем зеркалу. — Вы, господин лейтенант, человек маленький. Делать выводы для вас опасно. Ваше дело — получать деньги... И в кронах и в долларах. Чем больше, тем лучше...

Он потягивается на нарах и трогает рукой колючий подбородок.

— Тогда вы сбреете эту щетину, смените одежду, а может быть — чем черт не шутит!—бросите это поганое ремесло, махнете в Южную Америку и откроете там небольшой бар. А? С дансингом! Откровенно говоря, лейтенант Саалисте не такой дурак, чтобы верить в возвращение старых порядков в Эстонии. Да и сам Вальдин, наверное, в это не верит. Главное — деньги.

Саалисте прячет зеркало. На сегодняшний вечер назначена встреча в новом бункере.

А он ничего, этот Этс! Только туповат и уж очень осторожен. Видно, здорово нашкодил в прошлом. Тем лучше...

Стало смеркаться. Саалисте внимательно осмотрел свой «кольт», сунул его в карман куртки и вылез из землянки. Вместе с одним из своих людей — двое других были на месте встречи — Саалисте двинулся к новому бункеру. Они пришли, когда уже совсем стемнело. Провожатый Саалисте несколько раз крякнул по-утиному. В ответ хрюкнул кабан. К Саалисте, как было условлено, подошел один из людей Этса и провел к бункеру. Саалисте вместе с провожатым спустился вниз. Человек Этса остался наверху на часах.

...После двух стаканов водки Саалисте прислонился к сырой деревянной стене. Она приятно холодила спину. В бункере было накурено, свет керосиновой лампы еле пробивался сквозь серую пелену. Лица сидящих на нарах тоже казались серыми от дыма. Саалисте, улыбаясь, переводил взгляд с одного на другого. «Ребята подходящие. Скоро останутся здесь одни. Тогда Этс будет командовать. Этот долго продержится. Осторожный... И пьет хорошо. Удержит ли вот только моих троих? Все-таки бывшие офицеры... А какое, собственно, дело до этого Рихарду Саалисте?—вдруг весело подумал шпион.—Рихард Саалисте через два — три дня благополучно отбудет из этого проклятого леса, проберется на советско-норвежскую границу, а там...— Саалисте опрокинул в себя еще немного водки. — Но надо быть внимательным, вы воспитанный человек, Саалисте. Этс что-то говорит вам. Никак не сообразишь, что он там плетет... Вынимает пистолет?!»

Саалисте быстро хватается за свой, лежащий в кармане куртки. Все смеются. «Ах, вот что: Этс, осторожный Этс, предлагает в знак дружбы обменяться оружием. В знак полного доверия! Что ж, это полезно для дела! — решает Саалисте. — Пусть помнит обо мне, ему ведь оставаться».

Лейтенант протягивает Этсу «кольт» и получает взамен увесистый «парабеллум». Этс лезет обниматься. Нализался! Ну, ну, обнимай! В старое время тебе бы в морду за это, мужик!

Этс что есть силы сжимает Саалисте в объятиях. На воротничке у Саалисте проступает какая-то влага. О черт! Этот идиот раздавил ампулу с ядом!

Побледнев, как полотно, и сразу протрезвев, Саалисте хватает с нар нож и срезает намокший воротничок. Ведь достаточно проглотить одну каплю — и конец! Отрезанный воротник вместе с ножом летит в дальний угол землянки. С трудом переведя дыхание, Саалисте оборачивается к Этсу, чтобы выругаться, и... видит направленный на себя пистолет. Еще три дула смотрят в сторону его друзей. Раздается щелчок — это нажал курок кто-то из людей Саалисте. Еще щелчок — пытается выстрелить другой.

— Подменили! — в полной ти-

Продолжение. См. «Огонек» № 12.

шине раздается свистящий шепот.— Патроны подменили!

Саалисте не делает даже попытки к сопротивлению. Он понял, что значила и раздавленная ампула и подмененный пистолет.

Четверо обитателей старого бункера поднимают руки. Этс стреляет в потолок. Через распахнувшийся люк в бункер прыгают один за другим несколько вооруженных автоматами людей. Последним спускается плотный человек в шинели. К нему подходит Этс и по привычке, будто гимнастерку, одергивает сзади брезентовую куртку. Человек в шинели обнимает Этса...

На другой день в кабинет к Виллеру вошел лейтенант Киви.

— Ну, Эдуард, поздравляю! От всей души.

— А не простудился ты? — смеясь, спросил Виллер.— Ночь-то была холодная! Сколько пришлось пролежать на земле?

— Простудился бы, если бы он меня не заметил. Но я как разглядел, что Янсен проходит мимо, так разволновался, что уж по-настоящему застонал. Тут он и услышал...

Так завершилось выполнение плана, предложенного капитаном Виллером. Банда убийц, возглавлявшаяся шведско-американским шпионом Рихардом Саалисте, была задержана органами государственной безопасности Эстонской ССР. Это случилось за две недели до того, как на побережье Эстонии высадилась новая группа шпионов в составе Вилли, Ионаса и Сузи.

Лесник Репс согласен лечь в больницу

Возле станционной кассы Вилли остановился. Вдруг мелькнула мысль: «А ведь я не знаю, сколько может стоить этот самый железнодорожный билет». Он пошарил взглядом по стенам: билетных расценок не было видно.

В бумажнике у Вилли лежало несколько двадцатипятирублевок. «Сколько дать? — мучился он.— Двадцать пять, наверно, мало!» Он подошел к кассе и протянул две бумажки. «Мне до Тори»,— неожиданно громко сказал он. Кассирша посмотрела удивленно и вернула одну из двадцатипятирублевок. Она стукнула компостером, отсчитала сдачу и вручила билет. «Все-таки влип»,— подумал Вилли и выругался про себя. На всякий случай изобразив из себя пьяного, он, чуть пошатываясь, вышел на перрон. Проходя мимо большого колокола с надписью «МПС», подумал: «Что это такое — «МПС»? Из-за мелочи можно попасться...»

Через несколько минут подошел пригородный поезд. Вилли поднялся в вагон, но остался в тамбуре — на всякий случай. Очень хотелось сесть, ныла спина после ночевки в теплушке на товарной станции в Таллине. Там они расстались с Сузи. Тот пошел на свои явки, а Вилли — на свои. За прошедшие с тех пор три недели Вилли успел через условленный тайник обменяться письмами с шведским агентом Лиллелехтом. Кроме того, у него была явка в Таллине на Пярнуманте — к одному фанатику-баптисту, как называл его Вальдин, по имени Ян. Вчера вечером он побывал там, предъявил письмо от американского «руководителя» эстонских баптистов Рихарда Каупса. Вальдин говорил, будто письма этого разведчика, которого верующие считают своим духовным отцом, будет вполне достаточно, чтобы открыть перед ним двери дома на Пярнуманте. Но оказалось, что «баптист-фанатик» уехал в командировку по каким-то служебным и отнюдь не религиозным делам, а родственники его смотрели на пришельца с таким нескрываемым подозрением, что Вилли поспешил ретироваться...

Теперь нужно было добраться до местечка Тори. Вилли не рискнул сесть на поезд в Таллине и несколько километров шел пешком до той маленькой станции, где случилась эта незадача с билетом.

Как ноет спина! Уж не простуда ли? Это было бы очень некстати. Вилли стал соображать, какие из медикаментов, что дали шведы, могут ему помочь. Впрочем, все восемь флаконов с микстурами, таблетками и мазями остались в яме около станции Кейла...

Паровоз тонко просвистел и замедлил ход. Показалось коричневое здание станции с надписью по-эстонски и по-русски: «Тори».

Вилли подождал, пока выйдут все пассажиры, и только тогда спрыгнул с подножки. Он внимательно проследил, не сойдет ли кто с поезда вслед за ним. Нет, он был последним.

Вилли прошел в зал ожидания. Вот она, наконец, таблица с билетными расценками. Вилли внимательно прочел ее всю.

Выйдя из здания станции, Вилли помедлил немного и повернул вправо по шоссе. Прошел мимо приземистых зданий конезавода. Еще когда-то в школе он учил, что здесь выводят знаменитых торийских полутяжеловесов. «Значит, завод действует и сейчас?»

Шесть — семь километров по шоссе, потом, не доходя деревни Тали, поворот влево, и вот Вилли уже шагает по узкой проселочной дороге. Сразу начался лес. До домика лесника, по плану, который ему дал в Стокгольме Вальдин, оставалось еще километров семь. Полтора часа ходу. Вилли посмотрел на часы: полдень.

О леснике Репсе Вальдин говорил как о верном человеке, с которым его, Вальдина, связывает давнишняя дружба. У этого человека можно будет спрятать снаряжение, у него же можно организовать базу для радиопередач. Репс поможет вырыть в лесу бункер, свяжет с подходящими людьми. В качестве пароля для Репса Вальдин дал фотокарточку, где он снят в форме лейтенанта эстонской буржуазной армии. Перед самым концом войны, рассказывал Вальдин, с Репсом был большой разговор. Старый лесник, который, по словам Вальдина, ненавидел Советскую власть больше всего на свете, обещал оставаться на своей должности сколько будет возможно и ждать сигнала. Тогда же договорились о пароле. Кроме фотокарточки, надо еще произнести слова: «Вам привет от Аркадия Вальдина». Вальдин добавил, что долго берег этого агента, и вот теперь настало его время. Явка самая верная: Репс обещал ничем себя не компрометировать.

Выкрашенная коричневой краской изба под черепичной крышей была скрыта за густыми соснами, и Вилли наткнулся на нее неожиданно для самого себя. Она стояла метрах в десяти от лесной дороги. Вилли открыл калитку. Никто не вышел ему навстречу. Вилли постучался.

— Войдите,— раздался голос.

Пройдя сени, Вилли вступил в просторную комнату. С кровати поднялся щуплый седой старик; Вилли сразу узнал его по описанию Вальдина и по фотографии, которую тот ему показывал в Стокгольме. Отлегло от сердца. Сразу перестала ныть спина, и усталость будто исчезла. Кроме старика, в комнате никого не было.

— Здравствуйте, — улыбаясь, проговорил Вилли.— Вам привет от Аркадия Вальдина.

Старик остановился, внимательно осмотрел пришельца, даже зашел зачем-то сбоку и после длинной паузы ответил:

— Здравствуйте.

Вилли вытащил из внутреннего кармана фотокарточку Вальдина и показал леснику. Лесник медленно пошел к столу, взял очки, не спеша надел их и только тогда принял из рук Вилли фотографию. Отставив ее далеко от глаз,— видно, очки были уже слабы, — Репс долго рассматривал фотоснимок.

За это время Вилли успел внимательно осмотреть комнату. Ничто в ней не привлекло особого внимания. Но на стенке он заметил три ярко раскрашенных листка, аккуратно вправленных в деревянные рамки под стеклом. «Почетная грамота»,— прочел Вилли и усмехнулся:— Хитер старик!»

— Вроде бы он,— сказал лесник,— Вальдин... Аркадий.

— Ну, конечно, он, кому же еще быть! — подтвердил Вилли.

— Долго от него что-то вестей не было. Я уж думал, погиб он.

— Что вы! Всего месяц тому назад его видел. Просто берег вас: очень вы ценный для нас человек.

Старик еще раз внимательно посмотрел на гостя через очки и ничего не ответил. Вилли стал раздеваться.

— Поздно же вы пришли,— произнес наконец Репс.

— А что? Разве вы кого-нибудь ждете? — насторожился Вилли и взглянул на часы.

— Да я не о том,— возразил Репс.

— Я вас не понимаю...

— Это я так, в шутку, — усмехнулся лесник. — Раздевайтесь и рассказывайте, какие у вас дела.

— Здесь, кроме вас, никого нет?

Получив успокоительный ответ, Вилли без обиняков приступил к делу. Он прибыл из Швеции. Его задача — собрать кое-какие сведения, передавать их по радио в центр, чтобы помочь как можно скорее уничтожить большевиков, которых Репс так ненавидит, освободить от Советской власти Эстонию. Шведы и американцы очень хорошо знают, что русские выгнали эстонцев из всех учреждений, заставляют их работать без выходных дней. Всему этому скоро придет конец, пусть Репс не сомневается. Но только надо помочь священному делу...

Вилли заготовил эту речь еще в дороге: хотелось внушить леснику уважение к себе. Затем он сообщил, что ему нужно будет переночевать у Репса, а завтра он отправится за рацией и снаряжением и перенесет их сюда. Переноска снаряжения займет у него несколько дней. За это время лесник должен подобрать местечко в лесу, куда можно будет все запрятать и где Вилли построит небольшой бункер.

— Вы с местными властями в хороших отношениях? — спросил Вилли.

Аркадий Вальдин (слева) и бывший командир полка войск «СС» немецко-фашистской армии П. Х. Лиллелехт. Фотокарточка служила паролем Вилли для установления связи с Лиллелехтом. Левая половинка этой фотокарточки была паролем для связи с лесником Репсом. Снимок относится приблизительно к 1940 году. Вальдин и Лиллелехт изображены здесь в форме офицеров эстонской буржуазной армии.

— Как? — не понял старик.

— Я говорю: за вами никакой слежки не велось? Ничего подозрительного не замечали?

Репс отрицательно покачал головой.

— Хотя что я спрашиваю! — рассмеялся Вилли.— У вас в этом смысле поучиться можно!

Он встал из-за стола и подошел к висевшим на стене грамотам.

— Такие штуки, верно, не каждый может заработать!

— Не каждый,— подтвердил старик.

— Скоро вы от всего этого избавитесь! — покровительственно произнес Вилли и снял со стены одну из рамок.

— А зачем? — Лесник вскинул глаза на Вилли.

— Что зачем?

— Зачем, говорю, избавляться?

— Ну да, понимаю,— весело прищурился Вилли,— музейные ценности. Так?

— Нет, не так,— проворчал старик и зло посмотрел в лицо Вилли.

У Вилли стали влажными руки.

— Ты что это? — Он вдруг перешел на шепот.— Ты что?

Лесник взял из рук Вилли грамоту и аккуратно повесил на место. Затем обернулся.

Шведский шпион Харри Вимм — «Вилли».

— А ничего,— спокойно ответил он.— Не ваш я — вот и все. Не ваш.

С глаз Вилли будто спала пелена. Ну, конечно же, не наш! Как он сразу не понял! И эти финтифлюшки на стенах, и эти разговоры насчет того, что поздно пришел. Ах, дурак! А он-то ему все...

— Продался? — прошипел Вилли.— За картинки продался! Советской власти, русским...

— Дурак ты! — спокойно возразил старик.— Дурак. Я тоже когда-то таким дураком был. Иди с повинной, простят тебе все. Иди, пока не поздно. Жить начнешь здесь — увидишь все своими глазами. Опутали тебя, как меня хотели раньше. Продаваться? Кому? Самому себе, что ли?..

— Врешь! — прохрипел Вилли, поспешно натягивая на себя куртку.— Врешь, сволочь! Сдаваться мне советует!.. Нашел дурака — добровольно на виселицу идти... Не-ет, может быть, я и пойду с повинной, только сначала поговорим с тобой...

За окном раздался шум мотора, потом прогудел клаксон. Вилли выхватил пистолет.

— Ловушка? Подстроил?

— Ты еще и трус,— усмехнулся старик.— Это врач приехал ко мне из района. Болен я. Уже вторую неделю.

— Если врешь, первая пуля тебе,— бросил Вилли и, быстро распахнув окно, выпрыгнул.

Через минуту в дверь вошел человек в плаще, из-под которого виднелся белый халат.

— Вы что это сегодня так бледны? — начал врач, ставя на стул кожаный саквояж.

— Плохо, доктор, плохо,— торопливо забормотал старик.— Знаете, я, пожалуй, согласен лечь в больницу.

— Ну наконец-то, а то уж я думал насильно вас везти. С плевритом шутки плохи. Завтра с утра пришлю санитарную машину.

— Нет, давайте сейчас.

Врач удивленно посмотрел на лесника.

— Погодите, сначала я вас осмотрю...

— Нет, уж лучше в больнице,— твердо сказал старик и шагнул к двери.

Доктор развел руками.

— Ну, садитесь в «Москвич». У меня вызовы кончены, так что мы сразу в город.

По пути врач что-то рассказывал Репсу о своих медицинских делах. Старик вежливо поддакивал, но почти не слушал.

«Старый болван!—мысленно ругал себя лесник.— До преклонных лет идеалистом остался. Увещевать начал этого типа... Теперь уйдет, непременно уйдет. А ведь можно было не подавать виду. Погорячился, старый черт, не выдержал... Хотя как тут было не погорячиться? Экий подлец! «Музейные ценности!» Да разве в этом дело? Им там не понять. «Освобождать» собираются! Тертого хрена им за их освобождение!..»

Через полчаса машина въехала в город. Возле здания, где помещался аппарат уполномоченного органов госбезопасности, Репс попросил остановиться.

— Мы же еще не приехали! — удивился доктор.— Забыли, где больница? Вот что значит: человек никогда в жизни не болел!

— Нет, мне как раз здесь. Извините за беспокойство.— Репс вылез из машины.

— А больница?! — возмутился врач.

— Как-нибудь в другой раз...

Дежурство младшего лейтенанта Салусоо

С вечера младший лейтенант Юганес Салусоо нес дежурство на перроне станции Синди. Вначале это нисколько не утомляло, но около десяти вечера зарядил мелкий дождь. Все вокруг покрылось темной пеленой. Теперь нужно было напрягать зрение, чтобы разглядеть каждого, кто появлялся на перроне.

Вот уже шесть часов прошло, как младший лейтенант занял этот пост, получив подробный «словесный портрет» иностранного агента, о котором сообщил лесник Репс. Шесть часов, а никакого результата. Всегда его, Юганеса Салусоо, посылают не туда, где будет работа. Этот молодчик, наверное, уже пробирается сейчас лесными тропами и, конечно, напорется на наши посты, но его, Юганеса, там не будет.

Младший лейтенант никогда не видел того, кого дожидался здесь, на перроне, но в глазах стоял совершенно четкий образ: высокого роста, одет в кожаную тужурку, черные брюки заправлены в сапоги, лицо худощавое, узкое, с квадратным подбородком, волосы черные, верхняя челюсть выдается вперед, брови близко сходятся на переносице, углы рта опущены...

Салусоо узнал бы этого человека из тысячи. На поезд он не садился, это точно. Да и не сядет.

Вокзальные часы показывали одиннадцать. Время смениться. Младший лейтенант увидел на перроне знакомую фигуру товарища по работе. Тот прошел мимо скамейки, где сидел Юганес, и чиркнул спичкой, закуривая папиросу. Это был условный знак Можно уходить.

Юганес обогнул здание станции и направился к двухэтажному дому, где на первом этаже помещалась столовая. Надо было купить сосисок на ужин, жена утром просила.

Поднявшись по двум каменным ступенькам, младший лейтенант вошел в бар. Салусоо окинул взглядом зал и сразу увидел того, кого так долго ждал. В самом центре городка, в привокзальной столовой! Что это: наглость стреляного волка или беспечность новичка?!

Сдерживая волнение, лейтенант направился к буфетной стойке. Купил коробку спичек и неторопливо двинулся к крайнему столику, за которым сидел человек в кожаной тужурке.

Салусоо уселся за соседний столик. Выждав, когда шпион наклонил голову к тарелке с супом, подошел к нему и негромко сказал:

— Ваши документы!

Человек в тужурке привстал и полез правой рукой во внутренний карман кожанки. В то же мгновение Юганес что было силы дернул незнакомца за локоть. Вылетевший из кармана пистолет стукнулся об пол.

— Руки вверх! — крикнул Салусоо.

Шпион выполнил приказание, но на какую-то долю секунды правая его рука задержалась возле шеи. Челюстями он сжал кончик воротничка рубашки. Не выпуская из правой руки пистолета, Юганес левой схватил Вилли за горло.

— Плюй сейчас же! Плюй, я тебе говорю, иначе буду стрелять! — закричал Салусоо, не особенно заботясь о логике своих приказаний.

Раздавив ампулу, Вилли почувствовал какой-то привкус во рту. «Смерть»,— содрогаясь, подумал он и несколько раз плюнул на пол. Его тело стало медленно оседать вниз.

— Молока! — закричал Салусоо.— Немедленно молока!

Перепуганная официантка принесла бутылку. Младший лейтенант пробил пальцем крышку и влил содержимое в рот Вилли...

Через несколько минут на машине прибыла группа оперработников. Вилли вынесли из бара. Последним выходил младший лейтенант Салусоо. «Эх, жена просила сосиски купить!» — подумал он растерянно и сел в машину.

Ионас крадется домой

Ионас присел на пенек. Он чувствовал, как гудят ноги. Третий день он скитался по лесу, но никаких примет, говорящих о присутствии Саалисте, найти не удалось.

«Где-то сейчас Сузи и Вилли?» — думал Ионас. Втроем все-таки было спокойнее. Он чувствовал, как напряжен у него каждый мускул, как ловит ухо малейший шорох.

За спиной Ионаса что-то шелохнулось. Он мгновенно обернулся. Большая лягушка, выпрыгнувшая из травы, сидела, уставившись на него, раздувая подвижной кадык. Ионас вскочил и шагнул в сторону. Что это? Кажется, человеческие голоса... Хруст ломающихся веток... Опустившись на колени, Ионас быстро выкопал рукой ямку под кустом и сунул туда шифры и коды. Прислушался. Опять голоса. Пошел быстро в противоположную сторону. Слух перестал наконец улавливать голоса, сердце стало биться ровнее. Но тут Ионас вспомнил, что не пометил место, где спрятал пакет.

...Когда шпион подошел к хутору Кютти, где, как говорил Вальдин, жил объездчик Янсен, было совсем темно. Ионасу показалось, что дом необитаем. В окнах не было света, не слышно было собачьего лая. Не решаясь войти в дом, Ионас прошел к коровнику. Здесь он и будет дожидаться Янсена.

Холодный рассвет пробивался сквозь маленькое слуховое оконце, когда Ионас проснулся. Снизу доносились мерные звуки: кто-то доил корову. Звякнула ручка ведра. «Ну, стой, стой!» — сказал негромкий женский голос. Ионас тихонько подполз к люку и, заглянув вниз, увидел старуху, сидящую к нему спиной. Помедлив, он тихонько окликнул ее.

Старуха перестала доить. Прислушалась. Нет, видно, померещилось. И снова струи молока мерно полились в подойник. Заскрипела лестница. Старуха обернулась и громко вскрикнула.

— Тсс!..— прошипел Ионас, прикладывая палец к губам.— Это хутор Янсена?

— Да.

— Где хозяин?

— А ты кто такой?

— Я из лесу.

— Вот из-за твоих дружков его и забрали, сидит в тюрьме.— Старуха высморкалась в передник и, неприязненно оглядывая Ионаса, спросила: — А зачем тебе мой сын понадобился?

Ионас не ответил. Быстро выйдя из сарая, он огляделся по сторонам и через минуту скрылся в лесной чаще.

«Янсена взяли, Саалисте, очевидно, тоже! — мелькало в голове.— Что же делать? Надо пробираться на Лаасма, там поживу у брата, огляжусь. Только бы попасть на остров Муху к родителям. Ведь работа на острове — главное задание Вальдина. А сейчас к двоюродному брату, к Василию...»

...На рассвете в деревне Коора залаяли собаки. На улице было еще темно, поэтому никто не заметил человека, пробиравшегося на хутор Лаасма. «Кто бы это мог стучать? — подумал Василий, вста-

SÕJAVÄEPILET

Seeria A Nr. 808114 *

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

Серия А № 808114 *

Фальшивые военный билет и паспорт Харри Вимма — «Вилли», выданные ему шведской разведкой на имя Соорск Эдуарда Юрьевича.

вая с постели.— Бригадир так тихо не стучит. Прохожие в такую рань не шляются». В нижнем белье и грубых шерстяных носках он подошел к двери и, не открывая, спросил:

— Ну кто там?

— Василий! Это ты? — послышался с улицы чужой голос.

Открыв дверь, Василий увидал незнакомого человека с худым лицом, на котором торчал острый, длинный нос. Взгляд Василия обшарил серо-зеленое пальто незнакомца, скользнул по серой кепке и остановился на карих глазах. Секунду он молчал и, вдруг вспомнив эти глаза, вскрикнул:

— Иоган! Ты?

— Я,— ответил Ионас.

— Но ты же погиб?

— Не совсем,— ответил Ионас, стараясь улыбнуться.

— Заходи. Алиде, мать! Смотрите, кто пришел! Вот уж не ждали! Бывают же чудеса! Пресвятая дева!

В доме было тепло. Поставив в угол вещевой мешок, Ионас снял пальто. Умываясь, в двух словах он рассказал, что прибыл на катере из Швеции, так как очень соскучился по своим.

Мать Василия, Мария, жена его, Алиде, и сам Василий, сидя за столом, внимательно разглядывали Ионаса, жадно глотавшего куски свинины. Когда падал с ложки кусочек тушеной капусты, Ионас подбирал его искривленным большим пальцем и отправлял в рот.

— Ну, а как же там живут, в Швеции? — спросил Василий.

— Хорошо,— отрывисто отвечал Ионас, запихивая в рот ложку за ложкой. Он придвинул поближе к себе миску, словно кто-то собирался ее у него отнять.

Василий подождал, когда брат наконец прожует очередной кусок, и спросил, делая вид, что его это не так уж интересует:

— А зачем же ты сюда приплыл?

Ионас бросил на него пристальный взгляд, потом оглядел Марию и Алиде, взвешивая, можно ли при них говорить, и после небольшой паузы сказал:

— Хотелось посмотреть, как здесь живут. Соскучился все-таки без своих. Обвенчаемся с Иллой, увезу ее в Швецию. Катер из Швеции за мной придет,— добавил он.

— А как же ты его вызовешь?— спросил Василий.

— Вызову,— подмигнув, ответил Ионас.

— Вот что, мать, — сказал Василий,— ты пошла бы сена корове подбросить. А ты, Алиде, стели Иогану постель в спальне, небось, устал с дороги.

Сидя в спальне, Ионас развязал мешок и показал его содержимое Василию: пистолет, патроны, финский нож, планшетка, компас, медикаменты. Напрасно брат заглядывал в мешок, ожидая, что Ионас достанет какой-нибудь гостинец.

Ионас не утаил от брата, что на острове Муху он должен собирать сведения о дислокации войск, береговых укреплениях, зенитных точках и так далее.

— Мне главное сейчас — пробраться на остров,— сказал он.

— На Муху попасть не так просто,— хмуро ответил Василий.

— Ты же рыбак.

— Так ведь лодка кооперативная, принадлежит не мне одному. Как я ее возьму? На Муху пограничники, не успеешь пристать к острову, мигом захватят. Дай-ка еще раз погляжу твои документы.

Письмо американского разведчика, «руководителя» эстонских баптистов Рихарда Каупса, полученное «Вилли» в Стокгольме, адресованное трем верующим, с которыми Каупс был ранее знаком. Текст письма: «Руубен, Роберт, Ян. Прошу предъявителю сего полностью доверять, так же как мне. Рих. Каупс».

Василий стал разглядывать выданные Ионасу в Швеции паспорт и военный билет.

— «Коппель Август»,— громко читал он.— Что ж, пойдет, только все равно пропуск надо ждать.

— Не пойдет,— ответил Ионас.— Это же липа. Они начнут там проверять. Что да как? И — за решетку. Знаешь, устрой мне встречу с отцом: уж он-то поможет.

— Ну что же, это я могу. У меня есть знакомый, он часто ездит на остров. Передаст отцу, чтобы пришел сюда. Но послушай моего совета: расскажи лучше им все, они ничего тебе не сделают.

Ионас удивленно посмотрел на брата и промолчал.

Шли дни. Отец еще не приходил. Ионас стал замечать, что за столом ему больше не подкладывают лучших кусков. Когда он спускался с чердака — к удивлению жены Василия, Ионас предпочитал спать там, а не на чистой постели,— семья уже сидела за обеденным столом. Ему молча придвигали миску. Один раз Ионас услыхал, как Алиде говорила Василию:

— Скорее бы он уходил от нас. Не миновать беды.

— Не твое дело,— ответил Василий.

...Старый Иван Мальтис шел к хутору Лаасма. Он давно не видел сына, но радость предстоящей встречи омрачали загадочные обстоятельства его приезда.

«Если Иоган здесь, то почему не пришел сам домой? Он не болен, как передавали. Зачем же старику-отцу тащиться на хутор Лаасма? Когда человек возвращается в семью, он прежде всего приходит домой».

Первое, что отметил про себя старый Мальтис, увидев сына,— проседь в его волосах. Иоган был худ, бледен. Пригласив отца в спальню, он почему-то заговорил с ним полушепотом, хотя в доме, кроме гремевшей на кухне горшками жены Василия, никого не было.

— Ну как дома? — спросил Ионас.— Как мать?

— Ты мог и раньше узнать. Написал бы. Мы бы ответили. Не чужие.— Вздохнув, отец продолжал: — Тяжело мне одному: хозяйство большое, мать прихварывает.

— Я соскучился по дому,— сказал Ионас.

— Чего же раньше не приезжал?

— Случая не было. Помоги мне переправиться на Муху.

— Ступай заяви, что ты приплыл на катере, хочешь жить дома. И будешь жить, ничего тебе не сделают.

— Я подумаю,— растерянно пробормотал Ионас.

До вырубки, где Василий пас коров, было далеко. Поэтому, когда старый Мальтис возвращался оттуда назад, у него было время коечто обдумать. То, что сказал ему Василий, ударило старика в сердце. Его сын — шпион!.. Вот почему он не хочет явиться в милицию. Вот почему просит тайком переправить его на остров.

Старик решил даже не заходить на хутор Лаасма: стыдно было. Но знакомых, у которых он хотел переночевать, не оказалось дома, и старому Мальтису пришлось снова прийти к Василию.

Его уложили на кровать, но уснуть он не мог: то ли в доме было жарко, то ли мысли, овладевшие им, не давали покоя. «Для кого работал, гнул спину? Скоро умирать, кому все останется? — думал старик. — Всю жизнь, от дедов, трудились. А этот?»

На чердаке ворочался Ионас. Ему тоже не спалось. Не потому, что иголками в бока впивалось сено: весь вечер отец не сказал ему ни слова, только раз пристально посмотрел на него и покачал головой.

Утром, когда Ионас спустился в избу, отец уже одевался.

— Ты письмо Илле не передашь? — спросил он старика.

Тот молча кивнул головой.

На полке валялась ученическая тетрадка. Вырвав из нее листок, Ионас торопливо написал: «Приветствую от сердца. Надеюсь скоро увидеть».

Отец уже надевал стеганую куртку. Ионас подошел к нему, протянул конверт. Подержав секунду письмо в узловатых, с потрескавшейся кожей руках, старик спрятал его в карман.

Ионас вышел вслед за отцом на крыльцо. Когда сутулая фигура старика стала удаляться, он крикнул вслед:

— Матери передай привет!

Старик ничего не ответил. Ионас глядел вслед отцу, и ему казалось, что навсегда от него уходит все, что связано с беззаботной жизнью. Именно с этой сутулой спиной у него было связано так много дорогих воспоминаний: камышовые дудочки, рыночные пряники, игры на полу...

Спохватившись, что соседи могут заметить его, Ионас быстро шмыгнул в дом.

Продолжение следует.

Нуждающиеся в карантине

Одна из военных баз американского империализма расположена в Исландии. Очень неуютно чувствуют себя солдаты и офицеры США в этой стране. И дело не только в том, что природа здесь неприветлива. Дело в той ненависти, которую встречают американские оккупанты со стороны исландского народа. Недавно американский еженедельный журнал «Сэтердей ивнинг пост» поместил пространную статью своего корреспондента, озаглавленную так: «Неприветливый союзник дяди Сэма». Подзаголовок тоже достаточно красноречив: «Гордый народ этой далекой холодной страны не очень-то любит нас».

Журналист пишет, что исландцы не желают общаться с американцами, требуют, чтобы американцы не выходили за пределы отведенной им территории.

Эти два снимка взяты нами из того же номера «Сэтердей ивнинг пост». На первом — одна из улиц Кефлавика, возле которого расположена американская база. Двое исландцев проходят мимо скучающих янки, демонстративно не замечая их. «Кефлавик,— пишет журнал,— вероятно, самый скучный город из всех городов, расположенных возле американских баз по всему миру... Один молодой офицер сказал мне,— сообщает автор статьи,— «Они относятся к нам так как будто мы больны какой-то заразной болезнью и нуждаемся в карантине».

А на втором снимке запечатлен момент, когда исландские полицейские тщательно проверяют целость двух рядов колючей проволоки, которые обеспечивают, как сообщается в подписи под фото, «карантин для американского персонала».

Но несмотря на протесты исландской общественности, оккупанты продолжают пребывать на далеком острове. Почему? На этот вопрос мы найдем ответ в той же статье «Сэтердей ивнинг пост». Там приводятся слова «одного немецкого военного эксперта»: «По нашему мнению, эти арктические острова представляют собой важнейшие стратегические районы сегодняшнего мира. Теперь или в ближайшем будущем оттуда станет возможным выпустить снаряды, которые могли бы практически достичь внутренние территории Советского Союза».

Очень правильно рассуждают исландцы, требуя карантина для заокеанских милитаристов!

А. М. Горький

В. В. Вересаев.

А. Барбюс.

А. В. Луначарский.

ИСТОРИЯ ПОРТРЕТОВ

Очень благодарю товарища Напельбаума. Ленин

Десятки отечественных и иностранных дипломов, грамот, призов, медалей хранит в своем архиве выдающийся советский фотограф М. С. Наппельбаум. В 1925 году ему была присуждена Большая золотая медаль («Гран-При») Всемирной выставкой промышленности и искусств в Париже, а годом позже — медали Лондонской и Туринской фотографических выставок.

В 1937 году на 1-й Всесоюзной выставке фотоискусства Наппельбаум был награжден дипломом 1-й степени за высокую технику портретной фотографии. И еще один документ, которым особенно дорожит Наппельбаум: постановление за подписью Н. К. Крупской о присвоении ему, единственному из советских фотографов, почетного звания заслуженного артиста республики.

Этапной для себя работой Наппельбаум считает снимок В. И. Ленина (31 января 1918 года). Это первый послеоктябрьский портрет вождя революции. Репродукции с фотографии разошлись по всему миру в миллионах экземпляров. Владимир Ильич, которому портрет понравился, прислал записку: «Очень благодарю товарища Напельбаума. Ленин».

Мастеру фотоискусства принадлежат известные портреты выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, виднейших русских, советских и зарубежных писателей, художников, композиторов, артистов, архитекторов, ученых.

М. С. Наппельбауму 87 лет, из которых 70 отдано фотографии. За это время им сделаны десятки тысяч портретов. Отобранные для опубликования в «Огоньке» портреты в большинстве своем нигде не публиковались. Мы попытались восстановить их историю.

Первый заведующий Госиздатом

Вацлав Вацлавович Воровский — профессиональный революционер, талантливый дипломат, выдающийся литературный критик-марксист. Он был первым заведующим Госиздатом, созданным в разгар гражданской войны. В этот период и сделан снимок: Воровский сидит за письменным столом в своем кабинете на втором этаже особняка Госиздата на Малой Никитской.

Подвиг художника

На фотографии художник Борис Михайлович Кустодиев сидит у портрета Шаляпина. Тяжелая болезнь — паралич ног — приковала художника к креслу. А хотелось, очень хотелось написать богатырскую фигуру Шаляпина не на маленьком кусочке холста, а на большом полотне.

Любопытную историю этого портрета восстановил художник-искусствовед Н. В. Власов. Сидя в кресле в своей обычной позе, Кустодиев смог написать только среднюю часть двухметрового портрета. А над верхней и

Г. М. Димитров.

нижней частями он работал так точно расписывал плафон: подрамник с холстом подвешивали над ним, и художник, откинувшись, часами трудился над картиной. Это был настоящий подвиг.

Федор Иванович Шаляпин любил этот портрет, который висел над камином в его последней парижской квартире. Одновременно Кустодиевым была сделана и уменьшенная автокопия картины, хранящаяся в Государственном Русском музее Ленинграда.

Фотография выполнена в конце 1921 — начале 1922 года в ленинградской мастерской Кустодиева, на Петроградской стороне. Опершись на кресло, стоит друг художника, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа Ф. Ф. Нотгафт, погибший в дни блокады Ленинграда.

Пятнадцать горьковских фотографий

Июнь 1928 года. Горький снова в Москве. В связи с 60-летием со дня рождения он получает сотни приветственных писем, подарков из разных уголков страны. В числе этих подарков два бухарских халата с тюбетейками — красный и лиловый, присланные Горькому его узбекскими читателями. В одном из халатов Горький вскоре и сфотографировался, пригласив Наппельбаума к себе на дачу в Красково.

Алексей Максимович вообще любил сниматься у Наппельбаума. Екатерина Павловна Пешкова вспоминает:

— Как-то вскоре после возвращения Алексея Максимовича из Италии он позвонил Наппельбауму и сказал, что хочет сфотографироваться с женой и сыном. Наппельбаум хотел приехать, но Горький просил его не беспокоиться, ответив, что они заедут в ателье сами. Так и было сделано.

Всего в альбомах музея А. М. Горького хранится около 15 фотографий писателя работы Наппельбаума, сделанных в разные периоды (с 1916 по 1934 год).

Фотография С. Есенина

В начале апреля 1924 года Сергей Есенин приехал из Москвы в Ленинград. Зайдя вскоре к Наппельбауму (в его доме устраивались тогда «литературные понедельники»), Есенин прочитал там свои последние стихи: «Мы теперь уходим понемногу», «Отговорила роща золотая», «Письмо к матери». А через несколько дней в ателье Наппельбаума был сделан снимок.

В памятный день

27 февраля 1934 года Георгий Михайлович Димитров, вырванный из фашистских лап, прилетел в СССР. Этот радостный день ежегодно отмечался семьей Димитрова. 27 февраля 1936 года, как сообщила Роза Юльевна Димитрова, и был сделан на даче в подмосковном селе Волынском фотопортрет Г. М. Димитрова. Всего было сделано несколько снимков. Получив их, Георгий Михайлович позвонил и поблагодарил фотографа за прекрасные портреты.

По дороге

В начале 1932 года в ателье Наппельбаума, располагавшемся в то время в Москве, на углу Петровки и Кузнецкого моста, зашел писатель Викентий Викентьевич Вересаев. Он сфотографировался, но никто этого снимка не получил. И только лишь недавно фотографию, которая здесь публикуется, показали жене писателя Марии Гермогеновне Вересаевой-Смидович. Она сказала:

— Это лучший снимок Викентия Викентьевича.

В кабинете на письменном столе Вересаева стоят две фотографии в деревянных рамках: Антона Павловича Чехова с дружеской надписью и датой «1903 год» и самого Викентия Викентьевича. Последняя сделана Наппельбаумом в 1945 году, за несколько месяцев до смерти писателя. Тогда-то писатель и фотограф вспомнили о первом снимке Вересаева, сделанном в 1932 году, но в то время найти его не удалось.

Отзыв Барбюса

В номер гостиницы «Савой» к Анри Барбюсу пришли его московские друзья. Они попросили писателя подарить им его фотографию.

— Ну, что ж, давайте пригласим фотографа, — сказал Барбюс.

...Когда Наппельбаум принес Барбюсу готовый портрет, писатель, как свидетельствуют московские друзья Барбюса, воскликнул:

— Это превосходно! Это замечательно! Я не видал еще такого снимка. Какая получилась прекрасная, подлинно рембрандтовская светотень! Таким снимком я буду гордиться в Париже и покажу его всем моим друзьям.

Портрет был сделан 29 июня 1928 года. Барбюс впервые приехал тогда в Советский Союз, чтобы принять участие в VI конгрессе Коминтерна и совершить путешествие по стране.

Луначарский и фотоискусство

А. В. Луначарским в 1918 году был учрежден Высший институт фотографии и фототехники. В 1925 году нарком просвещения помог организовать первые советские курсы руководителей фотокружков, назначив заведующим курсами Наппельбаума. По инициативе Луначарского летом 1918 года в Петрограде, в залах Аничкова дворца, была открыта фотовыставка портретов деятелей революции, явившаяся первой персональной выставкой работ М. С. Наппельбаума. Таких выставок, кстати, было пять.

В декабре 1925 года Российское фотографическое общество организовало выставку фотопортретов. В ней приняли участие шестнадцать фотографов. Наппельбаум представил пять разных снимков Луначарского за период с 1917 по 1925 год. Один из них публикуется. Он сделан в Москве в декабре 1924 года.

Нарком просвещения в шутку называл старого мастера «фельдмаршалом от фотографии».

М. ДОЛИНСКИЙ,
С. ЧЕРТОК

В. В. Воровский.

С. А. Есенин

В. М. Кустодиев.

Арабский юмор

Один человек пришел в лавку и попросил продать ему сахару. Продавец открыл банку с надписью «Перец».

— Я же просил сахару,— сказал покупатель.

— Это и есть сахар,— ответил продавец.

— Но ведь на банке написано «Перец».

— Ну и что ж,— возразил продавец,— я сделал эту надпись, чтобы обмануть муравьев.

* * *

Болтун сказал приятелю:
— Почему, когда мы находимся в компании, я говорю один, а ты даже не раскрываешь рта?

— Ты не прав,— возразил приятель.— Когда ты говоришь, мне приходится очень часто раскрывать рот, потому что я беспрерывно зеваю от скуки.

* * *

Мать сказала сыну:
— Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Хорошо, мамочка,— весело ответил мальчик и побежал в соседнюю комнату.

— Что ты собираешься делать? — встревожилась мать.

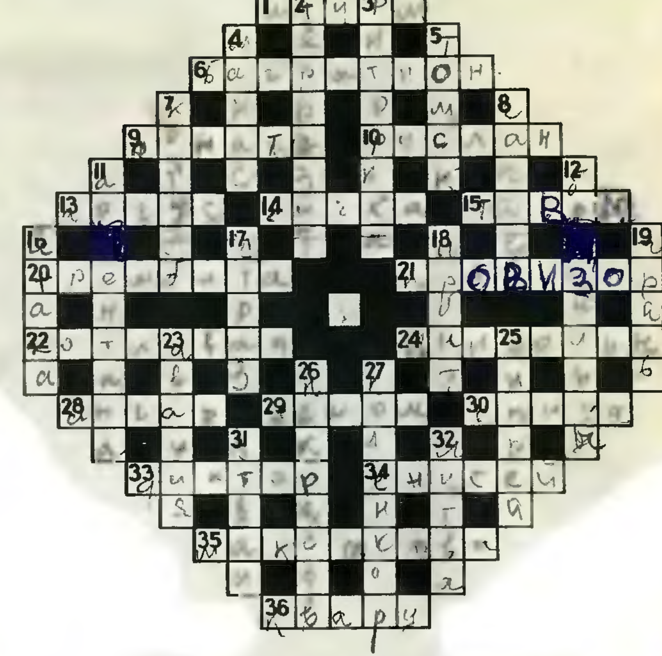
— Хочу съесть завтрашнюю порцию халвы.

* * *

Джафар выстирал рубашку и повесил ее на веревку сушиться. Внезапно подул сильный ветер, и рубашка упала.

— Как хорошо, что я успел вовремя снять с себя рубашку! — воскликнул Джафар.— Я бы непременно разбился, падая с такой высоты.

Перевели Л. ДРУСКИН и Л. ДЖОРДЖИС.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Вид атаки. 6. Русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 9. Музыкальное произведение. 10. Герой поэмы А. С. Пушкина. 13. Птица семейства фазановых. 14. Спортивное судно. 15. Древнее племя, жившее в горном Крыму. 20. Оперетта Милютина. 21. Работник аптеки. 22. Углубление в земле для закладки фундамента. 24. Город в США. 28. Помещение для самолетов. 29. Единица измерения электрического сопротивления. 30. Часть колеса. 33. Сотрудник радиоузла. 34. Река в Азии. 35. Советская певица, народная артистка РСФСР. 36. Породообразующий минерал.

По вертикали:

2. Смесь для декоративных штукатурок. 3. Учение об ораторском искусстве. 4. Киргизский народный эпос. 5. Областной центр РСФСР. 7. Мореплаватель XV—XVI веков. 8. Герой гражданской войны. 11. Государство в Америке. 12. Основное население одного из государств Южной Америки. 16. Остров из группы Ионических. 17. Имитация драгоценного камня. 18. Город в Свердловской области. 19. Плоскость, образующая часть ломаной поверхности. 23. Бурные рукоплескания. 25 Род травянистых растений. 26. Русский поэт. 27. Ткань. 31 Пласт руды, негодный для выработки. 32. Союзная советская республика.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

6. Локализация. 9. Сухуми. 10. Апулей. 12. Йемен. 14. Балабан. 15. Толстой. [illegible] «Тазит». 20. Позитив. 21. Вятка. 22. Стетоскоп. 23. Топология. 25. Омела. 27. Розарий. 28. Рогач. 32. Штабель. 33. Белугин. 34. Атолл. 36. Пиастр. 37. Юпитер. 38. Воображение

По вертикали:

1. Полубак. 2. Барий. 3. Писемский. 4. Банан. 5. Рисунок. 7. Чуваши. 8. Сессия. 11. Галактометр. 13. Восклицание. 16. Носорог. 17. Житомир. 19. Тропа. 21. Велюр. 24. Патронташ. 26. Лобзик. 29. Огурец. 30. Классон. 31. Ревизия. 34. Арабы. 35. Люнет.

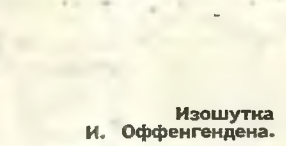

— Почему вы съехали со старой квартиры?
— Сквозняки замучили. Ужасно дует из замочных скважин.

Рис. Л. Самойлова (Рига).

БЕЗ СЛОВ.

Рис. Ю. Черепанова.

Изошутка И. Оффенгендена.

— Почему вы взяли один билет на троих?
— А это мои дети.
— Они же взрослые.
— Дети для матери никогда не бывают взрослыми!

Рис. В. Кащенко.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин Львовской картинной галереи и четыре страницы рисунков О. Верейского.

КАК ПЕРЕСЫПАТЬ БОБЫ!

СТАРИННАЯ КИТАЙСКАЯ ЗАДАЧА

Однажды крестьянин Ван шел с мешком на рынок, чтобы купить бобы. По дороге он встретился с крестьянином Ли, который вез для продажи зерно и бобы.

Ван решил купить бобы у Ли, но у него зерно и бобы были в одном мешке, причем зерно — в верхней части, бобы — в нижней, а середина туго перевязана веревкой.

Чтобы достать бобы, надо было высыпать все зерно, но некуда было его высыпать.

Можно было бы высыпать зерно в мешок Вана и обменяться мешками. Но у Вана мешок оказался побольше и получше, и он не согласился на обмен.

В конце концов крестьяне нашли способ пересыпать бобы в мешок так, чтобы зерно осталось в мешке Ли.

Как они это сделали?

Перевел с китайского Лу Гун.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00262. Подписано к печати 20/III 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 299. Заказ 618.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ВОДОПАД ЗИМОЙ.
Фото Г. Паула

